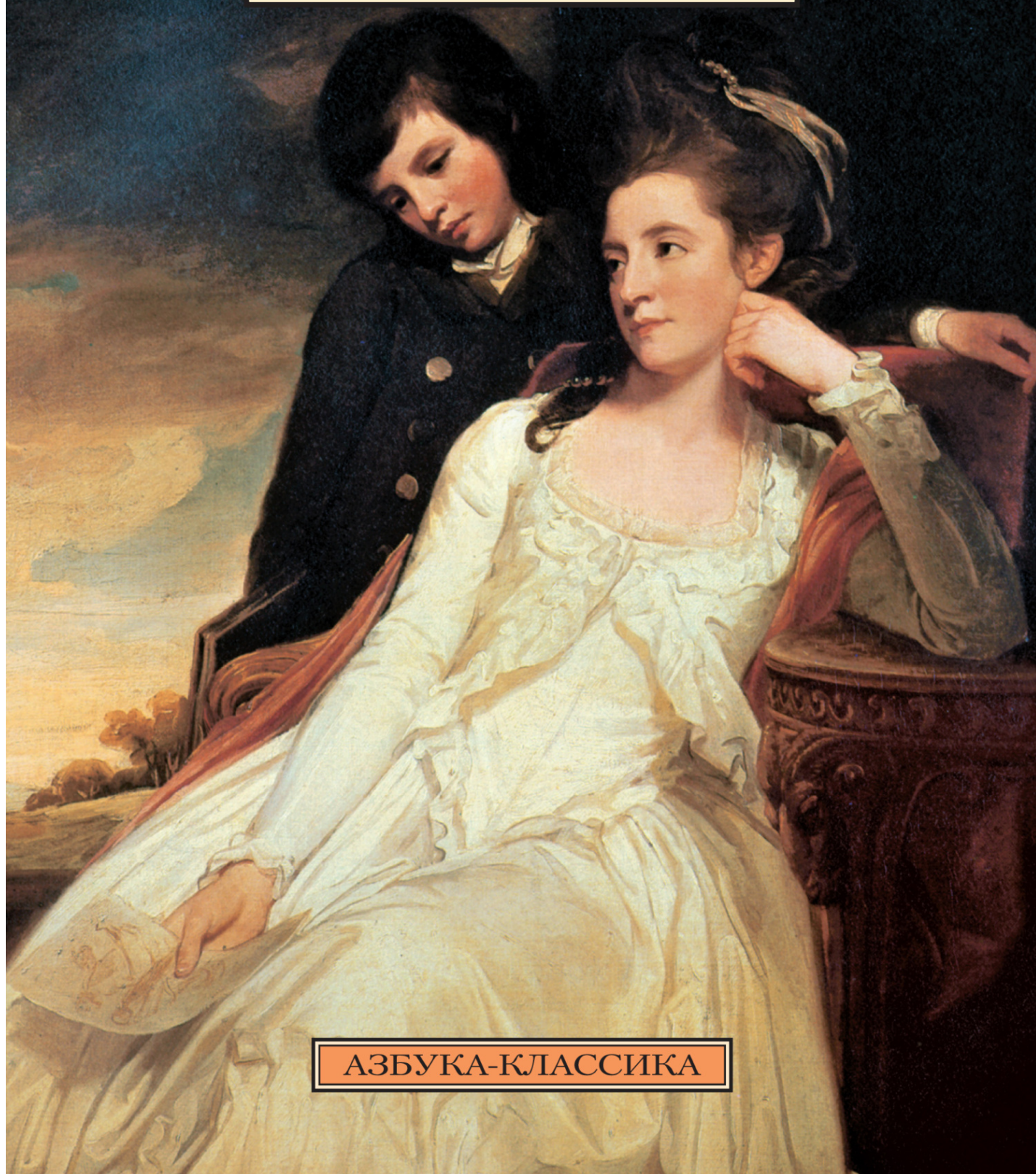

ДЖЕЙН
ОСТИН

Доводы рассудка

АЗБУКА-КЛАССИКА

Азбука-классика

Джейн Остин
Доводы рассудка

«Азбука-Аттикус»

1817

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Остин Д.

Доводы рассудка / Д. Остин — «Азбука-Аттикус»,
1817 — (Азбука-классика)

ISBN 978-5-389-17235-7

«Чувство и чувствительность», «Гордость и предубеждение», «Мэнсфилд-парк», «Эмма» — эти романы знаменитой писательницы Джейн Остин вдохновляли таких выдающихся мастеров английской литературы, как Ричард Олдингтон, Сомерсет Моэм и Вирджиния Вулф. Сегодня произведения Остин не перестают привлекать кинематографистов, по всему миру создаются музеи и литературные клубы ее имени. С тонкой иронией и мягким, истинно английским юмором писательница создала целую галерею ярких образов своих современников — благородных и коварных, безрассудных и малодушных, трепетных и высокомерных. В настоящем издании вниманию читателей представлен роман «Доводы рассудка», который вышел в свет в 1817 г., уже после смерти Остин. Главная героиня романа Энн Эллиот влюблена в бедного лейтенанта Уэнтоурта, а ее семья находится на грани разорения. Ей предстоит принять трудное решение. Но чем же руководствоваться Энн: велением сердца или доводами рассудка?

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-17235-7

© Остин Д., 1817
© Азбука-Аттикус, 1817

Содержание

Глава I	6
Глава II	10
Глава III	13
Глава IV	17
Глава V	20
Глава VI	25
Глава VII	30
Глава VIII	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Джейн Остин

Доводы рассудка

© Е. А. Суриц, перевод, 1981

© Е. Ю. Гениева (наследники), комментарий, 1981

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2011

Издательство АЗБУКА®

* * *

Глава I

Сэр Уолтер Эллиот из Киллинч-холла в Сомерсете был не такой человек, чтобы собственного удовольствия ради брать в руки другую какую-нибудь книгу, кроме «Книги баронетов». В ней искал он занятий в час досуга и рассеяния в час печали; в ней рассматривал он немногие из древних уцелевших грамот, возносясь духом от восторга и почтения; в ней пропускал он бессчетные почти имена выскочек минувшего века с жалостью и презреньем, легко уводившими его помыслы от обременительных мирских забот; и в ней же, когда уж не помогали все прочие страницы, он всегда мог с живым интересом прочесть собственную историю; на этом месте и открывался обыкновенно любимый том:

«Эллиот из Киллинч-холла.

Уолтер Эллиот, рожденный марта 1 дня 1760 года, сочетался браком июля 5 дня 1784 года с Элизабет, дочерью Джеймса Стивенсона, поместье Саут-парк, что в Глостерском графстве. От каковой супруги (скончавшейся в 1800 году) произвел он на свет Элизабет, рожденную июня 1 дня 1785 года; Энн, рожденную августа 9 дня 1787 года; мертворожденного сына, ноября 5 дня 1789 года; Мэри, рожденную ноября 20 дня 1791 года».

В таком точно виде вышло некогда сие введение из рук печатника; однако сэр Уолтер усовершенствовал его, добавив для собственного сведения и для сведения потомков после года рождения Мэри следующие слова: «Сочеталась браком декабря 16 дня 1810 года с Чарлзом, сыном и наследником Чарлза Мазгроува, поместье Апперкросс, что в Сомерсетском графстве», и присовокупив день и месяц к тому году, когда лишился он супруги.

Далее, как водится, следовала история восхождения древнего и славного семейства; как впервые обосновалось оно в Чешире; как затем обнаружилось в Дагдэйле, подарив округу нескольких шерифов и представителей в трех парламентах кряду; как выказывали сыны его верность короне и обрели баронетское достоинство в первый год правления Карла Второго – с перечислением всех Элизабет и Мэри, которых брали они себе в жены. Все это составляло целых две страницы в осьмушку и заключалось гербом и девизом: «Главное поместье Киллинч-холл», после чего, уже снова рукою сэра Уолтера, было начертано: «Предполагаемый наследник Уильям Уолтер Эллиот, правнук второго сэра Уолтера».

Тщеславие составляло главную черту в натуре сэра Уолтера. Тщеславился он своими качествами и положением. В молодости он был до чрезвычайности хорош собой; и в пятьдесят четыре года черты его еще сохраняли привлекательность. Редко какая красавица так печется о своей свежести, как заботился о ней сэр Уолтер, и едва ли камердинер новоиспеченного лорда может более восхищаться своим положением в обществе. Выше дара красоты ставил сэр Уолтер единственно благословение баронетства, а счастливо сочетая оба эти преимущества, был он постоянным предметом собственного искреннего преклонения и преданности.

Благообразие его и титул вполне, однако, стоили такой признательности, ибо не иначе как благодаря им и обзавелся он супругой, с которой решительно не мог бы состязаться прочими своими качествами.

Леди Эллиот была в самом деле женщиной необыкновенной по уму и сердцу; ее поступки и суждения, кроме разве юной ветрености, превратившей ее однажды в леди Эллиот, никогда потом не нуждались в оправданиях. Она скрывала, ублажала и умеряла его слабости и пестовала то, что находила в нем достойного, целых семнадцать лет; и хотя самое ее нельзя было назвать счастливейшей женщиной, домашние заботы, дети и обязанности дружбы привязывали ее к жизни, и потому ей жаль было с нею расстаться, когда пришлось их оставить. Нелегко матери завещать в наследство трех дочерей, из которых старшим шестнадцать и четырнадцать

лет; подлинное наказание передавать их руководству и попечениям глупого, суетного родителя. Но была у нее подруга, умная и достойная женщина, по нежной к ней любви поселившаяся в деревне Киллинч; и на нее и полагала все надежды леди Эллиот, зная, что советом и добротой та поможет дочерям исполнить последние ее горькие наставления.

Подруга эта и сэр Уолтер, однако, не сочетались браком, обманывая все ожидания знакомцев. Тринадцать лет минули со дня кончины леди Эллиот, а они все оставались душевными друзьями и близкими соседями; и она по-прежнему была вдова, а он вдовец.

То, что леди Рассел, при ее степенных летах и характере, и к тому же со средствами, не спешила связать себя новыми узами, не нуждается в оправданиях перед публикой, ибо женщина почему-то вызывает ее недовольство не тогда, когда воздерживается от повторного брака, а совершенно даже напротив. Упорное же вдовство сэра Уолтера, кажется, потребует объяснений. Да будет, однако, известно, что сэр Уолтер, преданный отец (после нескольких тайных разочарований, связанных с весьма необдуманными ходатайствами), гордился тем, что не женится ради милых своих дочерей. Ради одной дочери, самой старшей, он и в самом деле готов был отказаться положительно от всего, чего только самому бы ему не очень хотелось. В шестнадцать лет Элизабет наследовала, сколько возможно, все права и влияние своей матери; а коль скоро была она хороша собой и вся в него, то он всегда к ней и прислушивался и они жили душа в душу. Двух других дочерей он куда менее жаловал. Мэри, правда, еще приобрела некоторый вес, сделавшись миссис Мазгроув; но Энн, которая прелестью ума и тонким складом души легко бы завоевала самое глубокое уважение судей понимающих, в глазах отца и сестрицы была совершенное ничто. Ее суждений не спрашивали, с ее желаниями не считались – она была всего-навсего Энн, и только.

Зато для леди Рассел она была самой дорогой крестницей, любимицей и другом. Леди Рассел любила всех сестер, но только в Энн видела она словно ожившие черты покойной матери.

Всего несколько лет назад Энн Эллиот была прехорошенькая, но красота ее рано поблекла; и если даже в ее зените отец находил в дочери мало привлекательного (столь несхожи были ее милые черты и кроткие темные глаза с его собственными), то теперь, когда она сделалась худая и бледная, он и вовсе ни во что ее не ставил. Он и прежде не очень рассчитывал, а теперь потерял и последнюю надежду когда-нибудь прочесть ее имя на другой странице любимого сочинения. Только Элизабет могла еще поддержать честь рода; Мэри – та просто связала себя со старинной помещичьей семьей, почтенной и богатой, стало быть, им оказавши честь, а себе не приобрета никакой. А уж Элизабет рано или поздно найдет себе мужа под пару.

Бывает иногда, что женщина в двадцать девять лет даже прекрасней, нежели была она десятью годами ранее, и, вообще говоря, если не вмешались болезнь и забота, это – далеко еще не возраст увядания. Так было с Элизабет; все та же красавица Элизабет, какой узнали ее тринадцать лет назад; а потому и стоит простить сэра Уолтера, забывавшего ее годы, и, уж во всяком случае, не судить его слишком строго за то, что себя и Элизабет он почитал цветущими, как прежде, в то время как все вокруг теряли всякое благообразие; а ведь он явственно замечал, как стареют знакомые и родные. Энн отошала, Мэри огрубела, подурнели все ближние; и ужасно неприятно было ему видеть эти гусиные лапки вокруг глаз у леди Рассел.

Элизабет не в полной мере разделяла безмятежность отца. Тринадцать лет она была хозяйкой Киллинч-холла, управляя и властвуя с самообладанием и твердостью, какие никого б не навели на мысль о том, что она моложе своих лет. Тринадцать лет она отдавала распоряжения, издавала домашние законы, первая шла к карете и тотчас следом за леди Рассел выходила из любой гостиной или столовой в округе. Тринадцать раз рождественский мороз был свидетелем того, как открывала она редкие в сем пустынном краю балы, и тринадцать весен кряду оставляла она цветущие сады ради обольщений большого света, отправляясь с отцом на несколько недель в Лондон. Все это она хорошо помнила; она не забывала, что ей двадцать

девять лет, и это чуть-чуть тревожило ее и чуть-чуть огорчало. Она хороша, как прежде, – вот и прекрасно, но близился опасный срок, и ей бы уж хотелось наконец знать наверняка, что через год-другой она увидит у своих ног благородного искателя с баронетской кровью в жилах; тогда-то сможет она снова взять в руки книгу книг с той же радостью, что и в нежные юные годы; покамест же она к ней охладела. Вечно видеть себя с этой датой рождения и ни с чем более, а дату замужества находить только после даты рождения младшей сестрицы – это хоть кому надоест. И не раз, когда отец забывал любимый том открытым на столике рядом с нею, она, отведя глаза, отодвигала его прочь.

Вдобавок ей пришлось пережить разочарование, о котором книга, и в особенности история собственного ее семейства, постоянно ей напоминала. Предполагаемый наследник, тот самый Уильям Уолтер Эллиот, чьи права так великодушно подчеркивал сэр Уолтер, – он-то ее и разочаровал.

Совсем молоденькой девушкой она узнала, что в случае, если у нее не будет брата, Уильям Уолтер делается баронетом, и решила, что ей нет никакой причины не выйти за него замуж. Сэр Уолтер всегда находил это решение как нельзя более разумным. Они не знали его мальчиком, но вскоре после смерти леди Эллиот сэр Уолтер стал искать с ним знакомства и, хотя не встретил никакого отклика, настойчиво продолжал старанья, снисходя к очевидной робости, столь извинительной в молодом человеке; и в один из наездов их в Лондон, когда Элизабет была еще в первом цвете юности, мистеру Эллиоту довелось наконец им представиться. Был он тогда совсем молод и погружен в изучение права; Элизабет нашла, что он очень мил, и укрепилась в своих намерениях.

Его пригласили в Киллинг-холл. Его ждали, о нем толковали потом целый год; он не явился. Следующей весной он опять был встречен в Лондоне, снова сочтен очень милым, снова обласкан, приглашен; снова его ждали; и снова он не явился, и следующее о нем известие уже было, что он женат. Счастливую судьбу, предначертанную ему как наследнику дома Эллиотов, он променял на купленную независимость, связавши себя с богатой женщиной более низкого рожденья.

Сэр Уолтер обиделся. Как глава рода, он полагал, что у него бы можно спросить совета, после того особенно, как на людях он не раз достаивал молодого человека своим вниманием. Ибо их могли видеть, указывал сэр Уолтер, однажды в Таттерсоллз и дважды в кулуарах Палаты общин. Сэр Уолтер высказал свое неодобрение, однако ж действия оно не возымело. Мистер Эллиот и не подумал извиниться; и в дальнейшем отсутствие знаков внимания к нему со стороны семейства огорчало его в столь же малой мере, в какой, по мнению сэра Уолтера, он и был их достоин. Всякое знакомство было прекращено.

Ужасно неприятная история эта еще и теперь, после многих лет, возмущала Элизабет, которой мистер Эллиот нравился и сам по себе, и особенно как отцовский наследник, в ком одном, с ее безупречной фамильной гордостью, усматривала она подходящую партию для старшей дочери сэра Уолтера Эллиота. Ни одного другого баронета от первой и до последней буквы алфавита сердце ее с такой готовностью не признавало за ровню. Но он повел себя до того низко, что и теперь (в 1814 году), нося черную повязку в знак траура по его супруге, она не могла снова счесть его достойным своих мыслей. Позор первого брака еще бы можно простить, тем более что, судя по всему, он не был увековечен наследником, не позволяй себе мистер Эллиот нечто более предосудительное; он, однако ж, как любезно доносили им добрые друзья, говорил о них безо всякого почтения, с легкомысленным небреженьем отзываясь о собственном своем роде и о чести, которая в будущем предназначалась ему самому. А уж это непροститительно.

Таковы были мысли и соображения Элизабет Эллиот; такие заботы омрачали, такие волнения разнообразили неизменную, блистательную, благополучную и пустую жизнь ее; такие чувства украшали долгое, ровное течение сельского досуга, ибо у нее не было ни привычки

отдавать его на служенье ближним, ни талантов и занятий увлекательных, которые отнимали бы его.

Но вот уму ее представилось вдруг новое отвлечение. Отца стали одолевать денежные заботы. Она знала, что теперь он берется за «Книгу баронетов», чтобы увести свои помыслы от чрезмерно больших счетов и пренеприятнейших намеков мистера Шеперда, своего поверенного. Киллинч был хорошим поместьем, однако ж не вполне отвечал понятиям сэра Уолтера об образе жизни, приличном его владельцу. Покуда жива была леди Эллиот, хозяйственная опытность ее и умеренность удерживали сэра Уолтера в границах его дохода; но вместе с нею ушло и благоразумие, и ныне сэр Уолтер неизменно тратил более, нежели предполагал его доход. Меньше тратить решительно было нельзя; он позволял себе лишь то, что неукоснительно требовалось для сэра Уолтера Эллиота; и хотя упрекнуть его мы положительно не вправе, он не только все более погрязал в долгах, но так часто принужден был о них слышать, что сделалось наконец невозможно и далее утаивать их от дочери. Он мягко намекнул ей о них прошедшей весной в Лондоне; дошел даже и до того, что сказал: «Не сократить ли нам расходы? Как ты полагаешь, нельзя ли нам хотя бы в чем-нибудь их урезать?» И Элизабет, надобно ей отдать должное, в первом порыве нежной женской отзывчивости, тотчас усердно задумалась над его словами и предложила в конце концов две статьи экономии: отказаться от глупой благотворительности и покамест не обставлять гостиную заново; и уж потом только пришла ей в голову новая счастливая мысль не везти на сей раз из Лондона подарка для Энн, как повелось было у них ежегодно. Но мер этих, при всей их разумности, недостаточно было для предотвращения зла, которое сэр Уолтер принужден был вскоре открыть перед нею полностью. Элизабет, однако, не могла уже предложить ничего более действенного. Она считала себя несчастной и обойденной, как и отец ее; и ни один из них не видел способа ограничить расходы, не роняя при этом достоинства и непосильно не жертвуя собственными удовольствиями.

Сэр Уолтер мог свободно располагать лишь незначительной частью имения; но будь он даже и вправе расточить его все до последнего акра, это ничего бы не переменяло. Он снизошел до того, чтобы кое-что заложить, но никогда бы не мог он снизить до продажи. Нет, он не мог порочить так свое имя. Киллинч-холл должен был достаться потомству единым и нераздельным, каким он некогда перешел к нему самому.

Два доверенных лица, мистер Шеперд, живший в ближнем городке, и леди Рассел, были призваны для совета; и от них отец и дочь ожидали решения, как им избавиться от неприятностей и уменьшить траты, не вредя ни вкусу, ни чести.

Глава II

Будучи адвокатом осмотрительным и осторожным, мистер Шеперд, как бы ни относился он к сэру Уолтеру, предпочитал, чтобы кто-то другой вызывал его недовольство, а потому просил уволить его даже от самомалейшего намека, советовал всю надежду положить на безошибочную мудрость леди Рассел и вполне ожидал от ее здравого смысла тех именно важных мер, которые и находил единственно верными.

Леди Рассел приняла дело близко к сердцу и долго над ним билась. Суждения ее и всегда отличались более здравостью, нежели скоростью, а на сей раз она особенно затруднялась из-за неразрешимого как будто противоречия. Сама она была женщиной с чистым сердцем и очень точным чувством чести. Но она так боялась задеть сэра Уолтера, так пеклась о репутации его семейства, мерила потребности его по такой аристократической мерке, как только и можно было ожидать от особы, наделенной столь высокой душой. Она была благожелательной, сердечной и доброй женщиной, способной к прочным привязанностям, правил самых строгих, жизни безупречной, и манеры ее почитались образцом благородного воспитания. Она имела изощренный ум и была, вообще говоря, тверда и незыблема, но питала маленькую слабость к родословным и, ценя породу и сан, не замечала иной раз пороков тех, кто ими обладает. Будучи вдовой всего только личного дворянина, она отдавала должное баронетству; и сэр Уолтер, не только на правах старого знакомца, внимательного соседа, всегда готового к услугам, мужа ближайшей ее подруги, отца Энн и ее сестер, но уже по одному тому, что был сэром Уолтером, заслуживал в глазах ее самого горячего участия и сочувствия к нынешним своим заботам.

Следовало сократить расходы; в этом не оставалось сомнений. Однако как тут поступить, поменьше ущемляя его и Элизабет? Она набрасывала планы экономии, пускалась в подробные выкладки, и вдобавок, сделавши то, о чем не догадывались другие, она посоветовалась с Энн, мнение которой больше никому не казалось идущим к делу. Посоветовалась и, во многом согласившись, составила план сокращения расходов, представленный затем на рассмотрение сэру Уолтеру. Все исправления Энн были в пользу благородства и против тщеславия. Она добивалась мер более крутых, обновления более полного, скорейшего избавления от долгов и более высокого безразличия ко всему, кроме справедливости.

– Уговорить бы твоего отца, – сказала леди Рассел, пробегая глазами бумагу, – все и уладится. Только б он согласился, и за семь лет он выплатит все сполна; и, надеюсь, нам удастся убедить его и Элизабет, что добрая слава Киллинч-холла от скромности не пострадает; что истинного достоинства сэра Уолтера Эллиота в глазах людей разумных ничуть не убудет, если он себя выкажет человеком с правилами. Да и что ему еще остается, как не то, что уже сделали многие из знатнейших наших семейств, да и другим пора бы. В его случае ничего нет необычного; а ведь именно страх показаться необычным так часто заставляет нас страдать или толкает на глупости. Я от души надеюсь, что он не станет упираться. За него нужно взяться с решительностью; в конце концов, раз уж ты нажил долги, ты их и плати; и хоть, конечно, чувства джентльмена и отца семейства многого стоят, еще большего стоит репутация человека благородного.

Энн считала, что отец должен руководиться сим правилом и друзья должны ему это растолковать. Она почитала непрременной обязанностью удовлетворить кредиторов со всей возможной скоростью, какой только можно добиться с помощью разумных ограничений, и ни о чем другом и думать не могла. Все помыслы ее сосредоточились на этой идее. В благотворное влияние леди Рассел она верила безусловно, что же до суровых ограничений, каких требовала собственная ее совесть, она думала, что добиться основательных перемен будет немногим труднее, чем перемен пустячных. Зная отца и Элизабет, она догадывалась, что лишиться пары

лошадей им едва ли было бы легче, чем оказаться вовсе без выезда, и прочее в том же роде касательно всего списка леди Рассел.

Как могли быть приняты более строгие требования Энн, впрочем, не особенно важно. Советы леди Рассел не имели никакого успеха, были сочтены невозможными, несносными. Что? Отказаться от всех радостей жизни? Путешествия, Лондон, слуги, лошади, стол – во всем утесниться, ужаться! Пристала ль такая жизнь даже самому захудалому дворянину! Нет, лучше уж сразу покинуть Киллинч-холл, чем прозябать тут на таких позорных условиях!

«Покинуть Киллинч-холл».

Мысль эту тотчас подхватил мистер Шеперд, которого отчасти касалось лично решение сэра Уолтера сократить расходы и который был совершенно убежден, что никаких ограничений не добиться без перемены места. «Раз уж сэру Уолтеру первому пришло это в голову, – сказал он, – он со своей стороны может лишь от души советовать ту же меру. Едва ли удобно сэру Уолтеру вводить новые порядки в своем доме, где так утвердилось хлебосольство и милый старинный обычай. В любом же прочем месте сэр Уолтер волен поступать как знает; все так и решат, что он ищет самого разумного употребления своим средствам, какой бы образ жизни он ни избрал».

Итак, сэру Уолтеру следовало покинуть Киллинч-холл. И после недели колебаний и сомнений был наконец разрешен роковой вопрос, где же именно обосноваться, и намечен первый план великих преобразований.

Были на выбор три возможности – Лондон, Бат или снова сельский дом, но другой. Энн всем сердцем стремилась к последнему. Небольшой домик где-нибудь по соседству, чтобы леди Рассел оставалась под боком, и Мэри не вдали, и можно видеть иногда киллинчские луга и рощи, – больше ничего ей не надо было. Но судьба Энн и на сей раз сыграла обычную свою шутку, подсунув ей нечто обратное ее устремленьям. Бат был противен ей и, она даже считала, вреден. Там и предстояло ей поселиться.

Сэр Уолтер склонялся было к Лондону, но мистер Шеперд догадался, что в Лондоне утратит он свое влияние, и умел отговорить сэра Уолтера от его затеи, присоветовав Бат. Там ему будет куда легче соблюсти достоинство в нынешнем его затруднении; с затратами, самыми скромными, займет он должное положение в обществе. Два довода в пользу Бата против Лондона были взвешены, разумеется: он ближе к Киллинчу, всего в пятидесяти милях, и леди Рассел всякий год проводит там чуть не всю зиму; и, к великому удовольствию леди Рассел, с самого начала облюбовавшей для них Бат, сэр Уолтер и Элизабет поверили, что там они не уронят себя и жизнь их нисколько не потеряет приятности.

Леди Рассел сочла своим долгом пойти против желания милого своего друга Энн. Ожидать, что сэр Уолтер снизойдет до маленького домика по соседству, было бы уже слишком. Энн попросту не понимала, какую горечь пришлось бы притом испытать даже и ей самой, а уж сэр Уолтер страдал бы безмерно. Что же до нелюбви к Бату, то ее леди Рассел почитала заблуждением Энн, вызванным, во-первых, тем, что в Бате Энн ходила в школу целых три года сразу после смерти матери, и, во-вторых, тем, что единственной зимой, которую она потом провела там вдвоем с леди Рассел, она была в дурном расположении духа.

Одним словом, леди Рассел любила Бат и находила, что все будет прекрасно; здоровью же ее милого друга Энн ничто не грозит, ибо на летние месяцы Киллинч-лодж остается к ее услугам; перемена только прибавит ей здоровья и веселости. Энн не выезжает, она никого не видит. Она приуныла. Общество ее ободрит. Леди Рассел хотела, чтобы круг знакомств Энн расширился.

Жить в другом доме по соседству было для сэра Уолтера невыносимо еще и по другой причине, причине весьма существенной и с самого начала счастливо предусмотренной общим замыслом. Ему пришлось бы не только покинуть дом, но и видеть его в чужих руках – испы-

тание мужества, несносное и для сердец более стойких; Киллинч-холл решили сдать внаймы. Это, однако, хранилось в тайне; не дай бог, чтоб проведал кто из посторонних.

Сэр Уолтер не снес бы унижения, когда б в округе узнали о его расчетах касательно Киллинч-холла. Мистер Шеперд уже как-то обмолвился об объявлении; второй раз затевать этот разговор он не решался. Сэр Уолтер ни о чем таком и слушать не хотел, запрещал даже самый малейший намек о якобы имевшихся у него на этот счет видах; и лишь ожидая, что его вдруг умолит какой-то неотвязный ходатай, на собственных его условиях и как о великой милости, предполагал он вообще сдать дом внаймы.

Как скоро нам на помощь приходят доводы рассудка, если нам чего-то хочется. У леди Рассел под рукой оказался еще один веский довод, почему сэру Уолтеру с семейством необходимо переселиться. Элизабет завела недавно дружбу, которую леди Рассел предпочла бы видеть прерванной. Она близко сошлась с дочерью мистера Шеперда, воротившейся после несчастливого замужества под отчий кров, да еще с двумя детишками. То была неглупая юная особа, владевшая искусством нравиться, во всяком случае, она умела понравиться в Киллинч-холле и так вошла в доверие к мисс Эллиот, что уже не раз у ней гостила, вопреки всем предостережениям леди Рассел, находившей эту дружбу неуместной.

Леди Рассел не имела, надо признаться, никакого влияния на Элизабет и любила ее, кажется, просто оттого, что хотела любить, а не то чтобы Элизабет стоила ее любви. У Элизабет не встречала она ничего, кроме обычной учтивости и знаков внимания самых поверхностных; никогда и ни в чем не могла она уговорить Элизабет, а тем паче переубедить. Не раз хлопотала она о том, чтобы Энн не бросали одну в Киллинч-холле, а брали вместе с собою, когда отправлялись гостить в Лондон, превосходно понимая всю несправедливость и незаслуженность такого неравенства; да и в менее важных случаях ей нередко удавалось прекрасно показать Элизабет более тонкое знание света и верность суждений. Все, однако же, без толку. Элизабет всегда решала по-своему. Но ни в чем и никогда она еще так не упрячилась и не противилась леди Рассел, как в своем пристрастии к миссис Клэй, и отклоняла общество такой достойной сестры, всей дружбой и доверенностью даря особу, с которой надлежало б ей быть просто вежливой, и только.

Миссис Клэй по положению своему была, в глазах леди Рассел, неровня Элизабет, а по своему нраву могла оказать на нее самое вредоносное влияние. А потому уехать от нее подальше, с тем чтоб расширить круг знакомств и встретить подруг, более достойных мисс Эллиот, было делом первостепенной важности.

Глава III

– Позволю себе заметить, сэра Уолтер, – сказал мистер Шеперд как-то утром в Киллинч-холле, отстраняя прочитанную газету, – что дела складываются для нас как нельзя лучше. Это заключение мира всех наших богатых морских офицеров погонит на сушу. И всем понадобится жилье. Лучшего времени и не придумать, сэра Уолтер, – сколько съемщиков, и прекраснейших съемщиков. За время войны составилось не одно почтенное состояние. Попадись нам только богатый адмирал, сэра Уолтер...

– И ему бы очень повезло, Шеперд, – отвечал сэра Уолтер, – вот все, что я могу сказать. Киллинч-холл для него находка, просто награда; выше награды и на войне он не получал, а, Шеперд?

Мистер Шеперд улыбнулся, как водится, сей острой шутке и продолжал:

– Осмелюсь доложить, сэра Уолтер, с господами флотскими дела иметь неплохо. Мне случилось с ними встречаться на деловой стезе, и, решусь заметить, понятия у них самые благородные, и я не вижу причины, почему бы им не быть хорошими съемщиками. И стало быть, сэра Уолтер, прошу меня извинить, если вследствие распространения слухов о намерениях ваших, каковой возможности исключать не следует, ибо мы знаем, сколь трудно укрыть поступки и чаяния одной части человечества от наблюдательности и любопытства другой, и следствия эти непременно должно учитывать, – я, Джон Шеперд, могу утаить обстоятельства семейственные от всякого, кто удостоит ко мне прибегнуть, но на сэра Уолтера Эллиота обращены взоры, от которых нелегко будет укрыться, – а потому, беру на себя смелость доложить, меня не очень удивит, если, при всех мерах наших, истинные побуждения ваши выйдут наружу, а в таком разе, как уже решался я заметить, коль скоро неизбежно воспоследуют предложения, то я бы счел за благо отнестись со вниманием к любому из богатых морских офицеров и смею присокупить, с вашего позволения, что прибуду не долее чем через два часа, дабы избавить вас от труда вести переговоры.

Сэра Уолтер только кивал. Но вскоре он поднялся, стал ходить из угла в угол по комнате и заметил с горечью:

– Думаю, редко кто из флотских не удивился бы, окажись он в таком доме.

– О, без сомнения, они будут оглядываться вокруг, благословляя судьбу, – сказала миссис Клэй, ибо здесь же была и миссис Клэй; отец захватил ее с собою, поскольку вольный воздух Киллинча для здоровья миссис Клэй был как нельзя более полезен. – Но я согласна с отцом: из флотских съемщики самые лучшие. Я знаю этих людей. Мало того что благородны, на них во всем можно положиться! К примеру, о ваших драгоценных картинах, сэра Уолтер, если вы решитесь их оставить, вы можете ничуть не тревожиться! За домом и парком будут ухаживать со всею тщательностью. Сады и кустарники соблюдут в порядке, почти таком же безупречном, в каком у вас они содержатся. Вы можете не опасаться, мисс Эллиот, что найдете запущенными ваши прелестные цветники.

– То-то и оно, – холодно возразил сэра Уолтер. – Если даже я и решусь сдавать дом внаймы, я еще вовсе не знаю, на каких условиях. Я не очень расположен баловать съемщика. Разумеется, пусть его гуляет по парку, и мало кто из морских офицеров, или кому еще он достанется, привычен к эдаким просторам; но в какие границы я намерен его поставить, это уж мое дело. Не очень-то мне нравится, чтоб мои кустарники топтали когда не лень; а мисс Эллиот я бы советовал позаботиться о сохранности цветников. Уж поверьте, я вовсе не расположен оказывать особенное благоволение съемщику Киллинч-холла, будь то моряк или солдат.

Немного помолчав, мистер Шеперд позволил себе заметить:

– Все это предусмотрено установленным обычаем, чтобы хозяин и съемщик могли легко и просто поладить. Ваши интересы, сэра Уолтер, в надежных руках. Положитесь на меня, и

никакому съемщику не достанется ничего сверх законных его прав. Смею надеяться, что сэр Уолтер Эллиот не мог бы ревнивей заботиться о своей собственности, чем заботится о ней Джон Шеперд.

Тогда заговорила Энн:

– Я думаю, моряки, тем, что они для нас сделали, хотя бы уж не меньше других заслуживают приятностей и удобств, какие может доставить всякий дом. Нелегко им достается отдых, в этом все мы согласимся.

– Весьма, весьма верно. Мисс Энн весьма верно изволит судить, – отозвался мистер Шеперд.

– О! Бесспорно, – подтвердила и дочь его. Но сэр Уолтер, помолчав, заметил:

– Поприще не без пользы, но не хотел бы я, чтобы кто-то из моих друзей его избрал.

– Отчего же? – был ему ответ, сопровождаемый взором изумления.

– Да вот отчего: тут есть две вещи, для меня несносные, два основательных довода я имею против этого поприща; во-первых, люди темного происхождения добиваются на нем незаслуженных отличий и почестей, о которых отцы их и праотцы не смели и мечтать; а во-вторых, оно нещадно отнимает у человека юность и силы; моряки старятся быстрее прочих; я всю жизнь это замечаю. Во флоте, как нигде, человек подвергается опасности или увидеть оскорбительное возвышение того, чьего отца его отец не удостоил бы и разговора, или преждевременно самому стать отвратительным для чужих взоров. Как-то прошедшею весной в городе был я в обществе двух господ, красноречиво доказывавших все то, о чем я здесь толкую. Один был лорд Сент-Ивс, отец которого, все мы знаем, был деревенским служкой без гроша за душою; и вот я принужден был уступить свое место этому самому лорду Сент-Ивсу, да еще адмиралу Болдуину, господину невообразимого вида: лицо у него красное, как кирпич, грубое до последней крайности, все в рытвинах и морщинах, на голове по бокам три седые волоска, а макушка и вовсе голая и присыпана пудрой. «Господи боже, да кто этот старикашка?» – справился я у стоявшего рядом со мною приятеля моего (сэра Бэзила Морли). «Старикашка? – удивился сэр Бэзил. – Да ведь это адмирал Болдуин. И сколько же, вы полагаете, ему лет?» – «Шестьдесят, – сказал я. – Ну, шестьдесят два». – «Сорок, – отвечал мне сэр Бэзил, – сорок, и ни годом более». Вообразите сами мое изумление; нет, адмирала Болдуина я вовек не забуду. Еще не видывал я более разительного примера того, что с человеком делает стихия; но, вообще говоря, такова же их общая участь; всех их носит по свету, бьют ветры, палит жара, покуда на них не сделается тошно смотреть. Лучше уж им сразу погибнуть, чем доживать до таких лет, как адмирал Болдуин.

– Ах, сэр Уолтер, – вскричала миссис Клэй, – слишком вы строги! Пожалейте бедняжек. Не всем же быть красивыми. Ясное дело, море никого не красит; моряки рано старятся, я сама замечала, они рано теряют цвет юности. Но не то же ли происходит с людьми и на других поприщах, и даже почти на всех? Солдатам в военной службе не легче приходится; да и в трудах более спокойных, где напрягается не тело, но ум, бодрый вид редко сохраняется так долго, как было задумано природой. Судейский корпит над бумагами, не зная сна; лекаря поднимают с постели в любой час ночи и гонят в ненастье; и даже священник... – с минуту она размышляла над участью священника, – и даже священник, знаете ли, принужден входить к опасным больным, подвергая опасности свое здоровье и внешность в зараженной атмосфере. Нет, я решительно убеждена, хоть каждое поприще почтенно и необходимо, лишь тот, кто не должен ни на какое вступать, кто может жить в свое удовольствие, на вольном воздухе, в деревне, вставать когда вздумается, делать что угодно, имеет независимые средства и не лезет из кожи вон, чтобы их умножить, лишь тот, я говорю, сохраняет здоровье и бодрый вид до последнего; а уж остальные все сразу теряют привлекательность, как только юность миновала.

Можно полагать, что, с таким рвением склоняя сэра Уолтера в пользу морского офицера в качестве съемщика, мистер Шеперд наделен был даром предвиденья, ибо первые же притя-

зания на дом заявил адмирал Крофт, с которым мистер Шеперд очень скоро затем повстречался на квартальном заседании в Тонтоне; кстати же он успел и понаведаться о нем через своего лондонского знакомого. Согласно сведениям, полученным мистером Шепердом, которые и поспешил он сообщить в Киллинч, адмирал Крофт был уроженец Сомерсетского графства и, сколотив изрядное состояние, желал обосноваться в родных краях, чего ради и прибыл в Тонтон, дабы присмотреть кое-что, предлагаемое внаймы в ближайшем соседстве, однако ж ничем не остался доволен; совершенно случайно услышав (в точности, как он и предсказывал, заметил мистер Шеперд, планы сэра Уолтера не могли не выйти наружу), совершенно случайно услышав о том, что Киллинч-холл, может статься, будет сдан внаймы, и узнав об отношениях его (мистера Шеперда) к владельцу, он и представился ему с целью как следует расспросить и во время долгой беседы выказывал столь серьезные намерения относительно Киллинч-холла, какие только и могли быть у человека, покамест не имевшего удовольствия видеть его своими глазами, рассказав же о себе, произвел он на мистера Шеперда впечатление человека ответственного и как нельзя более достойного быть съемщиком в Киллинч-холле.

– И кто он такой, этот адмирал Крофт? – сухо осведомился сэр Уолтер.

Мистер Шеперд отвечал, что адмирал из благородной семьи, и назвал поместье. Установилось молчание, потом Энн сказала:

– Он контр-адмирал в военном флоте. Был в битве при Трафальгаре и отправился затем в Ост-Индию; много лет там, кажется, прослужил.

– В таком случае не сомневаюсь, – заметил сэр Уолтер, – что лицо у него оранжевое, как отвороты и плащи моих слуг.

Мистер Шеперд поспешил его заверить, что адмирал Крофт свеж и бодр и притом весьма приятной наружности; закаленный бурями, разумеется, но и только; по всем понятиям и обращению истинный джентльмен; с ним, разумеется, без малейшего труда можно договориться; он хочет иметь хороший дом, и как можно скорее; прекрасно понимает, что за свои удобства надобно платить; представляет себе примерную цену; не удивится, буде сэр Уолтер запросит и более; про поместье расспрашивал; был бы польщен, если б отрядили к нему депутацию, но на этом не настаивает; сказал, что иной раз брался за оружие, но никогда не убивал; истинный джентльмен.

Мистер Шеперд был весьма красноречив; подчеркнул обстоятельства семейственной жизни адмирала, придававшие ему как съемщику еще новые достоинства. Он был женат. Бездетен. Чего же лучше? Дом не содержится в порядке, это не раз замечал мистер Шеперд, если в нем нет хозяйки; неизвестно, не более ли страдает мебель, когда в доме нет хозяйки, чем когда в нем множество детей. Леди, не обремененная детьми, сохранит мебель лучше всех на свете. Он познакомился и с миссис Крофт; она была в Тонтоне вместе с адмиралом и участвовала почти во всей их беседе.

– Дама она, кажется, весьма тонкая и умная, – продолжал мистер Шеперд, – больше задавала вопросов касательно парка, условий, налогов, нежели сам адмирал, и выказала лучшее знакомство с предметом. И к тому же, сэр Уолтер, она здесь не вовсе чужая, связана с нашими краями больше самого адмирала; то есть она сестра того джентльмена, который когда-то жил среди нас; она сама сказала: сестра джентльмена, который несколько лет назад жил в Манкфорде. Господи! Да как же его имя? Совсем вылетело из головы, а ведь только что я его слышал. Пенелопа, милочка, не напомнишь ли, как имя того джентльмена, который жил в Манкфорде – брата миссис Крофт?

Но миссис Клэй так занята была беседой с мисс Эллиот, что и не расслышала вопроса.

– Понятия не имею, о ком вы толкуете, Шеперд. Ни одного джентльмена не упомяну в Манкфорде со времен старого Трента.

– Господи! Удивительно! Скоро я забуду, как меня самого-то зовут. Я же так хорошо его имя знаю! И в лицо его помню: сто раз видел; однажды явился ко мне за советом, помнится,

в обиде на соседа. Человек этого соседа забрался к нему в сад (обвалился забор), воровал яблоки; пойман с поличным; но потом, вопреки моему приговору, поладил с ним полюбовно. Вот уж удивления достойно!

Все немного помолчали, и наконец:

– Вы, полагаю, говорите о мистере Уэнтуорте, – сказала Энн.

Мистер Шеперд был преисполнен благодарности.

– Именно, именно Уэнтуорт! Он самый. У него в Манкфорде был приход, знаете, сэра Уолтера, тому года два-три. Он туда приехал году примерно в пятом, так, кажется? Вы припоминаете его, смею думать?

– Уэнтуорт? А-а! Мистер Уэнтуорт, манкфордский священник. Вы ввели меня в заблуждение своим «джентльменом». Я решил было, что речь о человеке состоятельном. Мистер Уэнтуорт, помнится, совершенное ничто: без роду, без племени, ничего общего со Стрэффордами. Удивительно, как это наши имена, самые громкие, переходят невесть к кому.

Убедившись, что родственные связи Крофтов не служат им украшением в глазах сэра Уолтера, мистер Шеперд уже к ним не возвращался и, напротив, со всевозможным пылом прибегнул снова к более непреложным их достоинствам: возраст, состав семьи, богатство; высокое мнение, составленное ими о Киллинч-холле, и горячее их желание иметь счастье там поселиться; из всего явствовало, что ничего не ценят они выше чести быть съемщиками у сэра Уолтера Эллиота, на удивление тонко угадывая притом, какие качества сэра Уолтера почитает необходимыми в съемщике.

Доводы эти, однако ж, имели успех; и хотя всякий, кто намеревался жить в его доме, вызывал неприязнь сэра Уолтера и казался ему несметным богачом, с которого не грех спросить за это счастье самую высокую цену, мистер Шеперд добился наконец от сэра Уолтера согласия вступить в переговоры и был отряжен к задержавшемуся в Тонтоне адмиралу Крофту, с тем чтоб назначить день смотрин.

Сэр Уолтер не был мудрецом, но он имел довольно жизненного опыта, чтобы догадаться, что съемщика, более желательного по всем статьям, нежели адмирал Крофт, ему не найти. Так подсказывал ему разум; а тщеславие тешилось к тому же приятной мыслью, что положение у адмирала весьма высокое и в то же время не чересчур. «Я сдал дом внаймы адмиралу Крофту», – превосходно звучит; куда лучше, чем просто какому-то мистеру. Просто мистер (кроме, пожалуй, человек десяти во всем королевстве) вечно требует ссылок и разъяснений. Адмирал же сам за себя говорит, но, однако ж, и баронет рядом с ним не теряет. Во всех делах и переговорах за сэром Уолтером Эллиотом всегда останутся преимущества.

Ничего не делалось без согласия Элизабет; но ей и самой уже не терпелось уехать, и она очень обрадовалась, что все решилось и подыскали хорошего съемщика; она ни словом не обмолвилась об отсрочке.

Мистера Шеперда облекли всей полнотою доверия; и столь счастливый исход был достигнут лишь тогда, когда Энн, дотоле чутко внимавшая разговору, вышла из комнаты подставить вольному ветру пылающие щеки. И бредя по любимой своей рошнице, она проговорила со вздохом:

– Еще несколько месяцев, и он, может статься, будет тут бродить.

Глава IV

Он, однако же, здесь вовсе не мистер Уэнтуорт, бывший священник в Манкфорде, как могло это показаться, но капитан Фредерик Уэнтуорт, брат его, который участвовал в битве при Сан-Доминго, тогда же произведен в капитаны, но не сразу определен в службу, а летом 1806 года оказался в Сомерсетском графстве и, не имея в живых своих родителей, на полгода обосновался в Манкфорде. В то время был он блистательный молодой человек, прекрасный собою, с высокой душой и умом; а Энн – чрезвычайно хорошенькая девушка, способная чувствовать и наделенная, сверх того, скромностью, вкусом и благородством. И половины этих совершенств легко достало б, может статься, ибо ему нечего было делать, а ей больше некого любить; но при таких щедротах Провиденья исход, само собой разумеется, был предрешен. Постепенно они свели знакомство, а сведя знакомство, почти тотчас и без памяти влюбились. Затруднительно сказать, кто из них больше восхищался другим и кто больше почитал себя счастливым – она ли, когда он объяснился и предложил ей руку, или он, когда она ответила согласием.

Настала пора безоблачных радостей – очень недолгая пора. Сэр Уолтер, когда к нему прибегли, не то чтоб наотрез отказался дать благословение или объявил, что этому не бывать, однако ж отвечал таким удивлением, таким молчанием, такой холодностью, что не оставил дочери ни малейшей надежды. Он счел союз неравным и унижительным; а леди Рассел, хотя ее гордость была более умеренна и более извинительна, тоже опечалилась выбором Энн.

Энн Эллиот, с ее славным именем, красотой, умом, – и в девятнадцать лет погубить себя; в девятнадцать лет связать судьбу с молодым повесой, у которого нет ничего, кроме личных его достоинств, никаких даже видов на состояние, поприще самое неверное, и никаких даже знакомств, чтоб хоть на таком-то поприще продвинуться; нет, это положительно значит себя погубить; о таком и подумать даже невозможно; Энн Эллиот – такая юная; никто еще не знает ее, и достаться первому встречному, без средств, без связей; да она погубит с ним свою молодость в вечных заботах, тревогах, в унижительной зависимости! Нет, не бывать этому несчастью, если доброе вмешательство дружбы, если предстательство той, что любит Энн почти как мать и имеет над нею почти материнские права, сумеют его отвести.

У капитана Уэнтуорта не было состояния. Он был удачен в службе, но, легко тратя то, что легко ему доставалось, он ничего не накопил. Однако ж он не сомневался, что в скором времени разбогатеет; полный огня и рвения, он знал, что скоро получит он корабль и новое его положение обеспечит ему все, к чему он стремится. Всегда он был счастливцем. Он знал, что счастье и впредь ему не изменит. Самой горячности этого убеждения и живости, с какой он его высказывал, было довольно для Энн; но иначе судила леди Рассел. Веселость его и бесстрашие ничуть ее не восхищали; напротив, они в ее глазах только умножали зло; он казался ей из-за них еще опасней. Умен, остер, упрямец. Живость ума и острословие леди Рассел ставила не бог весть как высоко; зато уж как огня боялась она всякой опрометчивости. Она никак не одобряла этого выбора.

Отпор леди Рассел, продиктованный такими ее чувствами, – это было больше, чем Энн могла снести. Юная и кроткая, все же она б еще могла противиться недоброжелательству отца, хотя сестра не ободрила ее ни единым словом или взглядом. Но леди Рассел, которую она всегда любила, которой привыкла доверяться, увещевая так неотступно, так нежно, не могла ее не убедить. Она объяснила ей, что помолвка неразумна, никчемна, едва ли обещает благополучный исход и его не стоит. Но, отказывая жениху, Энн руководилась не одной себялюбивой осторожностью. Не вообрази она, что блюдет его благо более собственного, едва ли бы она его прогнала. Мысль о том, что ее самоотречение служит прежде всего к его же пользе, утешала ее во время горького прощанья – прощанья окончательного; а в утешении была у нее большая

нужда, ибо ко всему он не верил ей, с ней не соглашался и был горько оскорблен таким решительным отказом. Почти тотчас он уехал.

Всего несколько месяцев длилось их знакомство; но сколько месяцев еще страдала Энн. Сожаленья и тоска омрачали ей все развлечения юности; и она надолго погасла и поникла.

Уже больше семи лет прошло после печальной и достопамятной этой истории; и многое стерло время, быть может, даже почти всю роковую привязанность, – но время оставалось единственным ее лекарем, не были в помощь ему ни перемена мест (исключая поездки в Бат вскоре после разрыва), ни новый, более широкий круг знакомств. Никто из тех, кто появлялся в Киллинче, не выдерживал сравнения с Фредериком Уэнтуортом, каким он оставался в ее памяти. Новое чувство, единственно верное, счастливое и надежное в эту пору жизни средство, было невозможно при возвышенности ее мыслей, при ее взыскательности и узости общества, ее окружавшего. Когда ей было двадцать два года, ее, правда, просил переменить имя один молодой человек, вскоре встретивший большую готовность в ее же младшей сестрице; и леди Рассел тогда сетовала на ее отказ, ибо Чарлз Мазгроув был старший сын человека, почетом и поместьями уступавшего во всей округе только сэру Уолтеру, а вдобавок мил и недурен собой; и хотя леди Рассел могла желать для Энн и более завидной участи, когда ей было девятнадцать лет, теперь, когда ей было двадцать два, она очень бы хотела, чтобы она могла покинуть отчий кров, достойно удалясь от пристрастия и несправедливости и оставаясь притом навсегда под крылышком у нее, леди Рассел. Но на сей раз Энн обошлась без ее совета. И хотя леди Рассел высшее свое благоразумие полагала в том, что никогда не жалела о прошлом, теперь она начала уже тревожиться и почти не верила, что благодаря кому-нибудь со средствами и умом она увидит Энн наконец в той роли, для которой единственно и предназначена она с ее чувствительным сердцем и домовитостью.

Леди Рассел не знала, однако, главного, чем руководилась в своем поведении Энн, ибо этого пункта они никогда не затрагивали в разговоре. Но Энн в двадцать семь лет думала иначе, чем склонили ее думать в девятнадцать. Она не обижалась на леди Рассел, не казнила и себя за то, что тогда ее послушалась; но зато она знала, что, прибегни теперь к ней самой какая-нибудь юная особа в подобных обстоятельствах, уж она бы ей не присоветовала незамедлительных и верных мук ради неверного будущего блага. Она поняла, что, какими бы невзгодами ни грозила ей холодность родных, какими бы тревогами ни пугало его поприще, какими страхами, тяготами, разочарованиями ни было оно чревато, она была б куда счастливей, если б осталась верна помолвке, а не пожертвовала ею; и все это даже если б ей на долю пришлось обычные заботы, пусть бы и тяжелее обычных; а ведь судьба оказалась куда милостивей, чем заранее представлялась по разумным выкладкам. Все самые пылкие надежды его, все самые смелые расчеты оправдались. Ум его и рвенье словно угадали и проложили его счастливую стезю. Очень скоро после их разлуки он определился; и все, что обещал он ей, все и сбылось. Он отличился, снова был произведен, и теперь, при его удачливости, составил уж, верно, состояние. У нее под рукой были только флотские ведомости и газеты, но она не сомневалась, что фортуна обласкала его; и, веря его постоянству, она думала, что едва ли он женат.

Какой красноречивой могла бы стать теперь Энн Эллиот, по крайней мере, с каким бы жаром умела она защитить первую нежную любовь и радостную веру в будущее против пугливой осторожности, словно бросающей вызов благому Провиденью! В юности вынудили ее быть благоразумной, в годы более зрелые она сделалась мечтательницей, что так естественно при неестественном начале.

При всех названных обстоятельствах, воспоминаниях и чувствах известие о том, что сестра капитана Уэнтуорта, верно, поселится в Киллинче, не могло не вызвать в Энн прежнего волнения; и понадобилось еще много бродить и много вздыхать, чтобы постепенно успокоиться. Долго еще потом повторяла она в душе, что все это безумие и невозможно, пока совсем не овладела собою и не сообразила наконец, что разговоры о Крофтах ничем дурным

ей не грозят. Помогло ей, однако, и совершенное безразличие троих ее близких, единственно и посвященных в тайну прошедшего, безразличие до того полное, будто они попросту обо всем позабыли. Она понимала, что леди Рассел в невозмутимости своей руководится соображениями более высокими, нежели отец или Элизабет; она отдавала должное ее добрым чувствам; но чем бы ни вызывалась эта странная забывчивость, важно то, что все трое одинаково ее выказывали; и на тот случай, если адмирал Крофт и вправду поселится в Киллинч-холле, она снова вернулась к мысли, уже не раз служившей ей утешением, что из ее близких прошлое знают лишь трое и они-то ни единым словом ни о чем не обмолвятся, от него же, надо надеяться, только брат, у которого он тогда гостил, мог слышать о недолгой помолвке. Брат этот давно уехал куда-то, и, будучи человеком благородным, а вдобавок еще неженатым, едва ли он хоть одной живой душе о том проболтался.

Сестры же его, миссис Крофт, тогда не было в Англии, ибо она отправилась с мужем к месту его назначения; а собственная ее сестрица Мэри была в школе, когда все это случилось, и уж потом, из-за чьей-то гордости, а чьей-то деликатности, конечно, ничего так и не узнала.

Рассчитывая на это все, она надеялась, что знакомство ее с Крофтами, к которому, при том что леди Рассел остается в Киллинче и Мэри от него всего в трех милях, надо быть готовой, не повлечет за собой чрезмерных неудобств.

Глава V

В то утро, когда адмирал с супругой явились, как было условлено, осматривать Киллинч-холл, Энн сочла самым для себя естественным совершить почти ежедневную свою прогулку к леди Рассел, с тем чтоб переждать у нее, покуда все решится; а уж там сочла она самым для себя естественным огорчиться, что упустила случай на них поглядеть.

Встреча сторон прошла как нельзя лучше, и дело сразу же сладилось. Дамы были заранее расположены к соглашению, а следственно, и остались весьма довольны одна другою; что же касается до джентльменов, адмирал вел себя с таким доверием, открытостью и сердечностью, которые не могли не впечатлить сэра Уолтера, выказывавшего, в свою очередь, учтивость самую тонкую, ибо мистер Шеперд заранее уверил его, что адмирал наслышан о безукоризненности его обращения.

Дом, парк, убранство понравились; Крофты понравились; условия, сроки – все, все подходило и было хорошо. И стряпчие мистера Шеперда тотчас засели за работу, хотя им и не пришлось ничего изменять в уже заготовленном «Сим удостоверяется...».

Сэр Уолтер не колеблясь объявил адмирала самым красивым из моряков, с какими случилось ему водить знакомство, и уверял даже, что, согласись только его собственный куафёр наладить адмиральскую прическу, и с ним бы не стыдно где угодно на люди показаться; адмирал же в простоте души поведал жене, когда они ехали парком обратно: «Я так и знал, мой друг, что мы легко столкнемся, что бы там мне ни говорили про него в Тонтоне. Баронет звезд с неба не хватает, но малый он безобидный». Отзыви, надобно признаться, в равной мере лестные.

Условились, что Крофты переселятся к октябрю, и сэр Уолтер предложил перебраться за месяц до этого, так что времени на необходимые приготовления оставалось немного.

Леди Рассел, зная, что Энн все равно не допустят помогать и не будут слушаться, когда дойдет до выбора дома в Бате, очень бы не хотела такого поспешного ее отъезда и удержала бы ее при себе, чтобы после Рождества самой отвезти в Бат; но собственные дела призывали ее на несколько недель отлучиться из Киллинча, а потому она не могла пригласить Энн на все это время; да и сама Энн, хотя ей и страшна была сентябрьская жара среди слепящего белого Бата и жаль было покидать милые луга и рощи в печальную и сладкую пору осени, все же по зрелом размышлении не хотела задерживаться. Всего верней и разумней ехать со всеми – так меньше будет ей огорчений.

Вскоре, однако, случай изменил ее намерения. Мэри, часто недомагавшая, всегда чутко прислушивавшаяся к своему здоровью и всегда призывавшая Энн, что бы с ней ни произошло, вдруг расхворалась и, предвидя, что недомогание может не пройти у нее во всю осень, попросила, а скорее потребовала, ибо на просьбу это мало было похоже, чтобы Энн явилась к ней в Апперкросс и побыла с нею, пока ей это будет нужно, вместо того чтобы отправляться в Бат.

– Я никак не могу обойтись без Энн, – таковы были доводы Мэри.

И ответ Элизабет был:

– Тогда, разумеется, ей лучше остаться, ведь в Бате она никому не нужна.

Когда тебя пусть и не совсем учтиво, но просят о помощи, это все же приятней, чем если тебя гонят; и Энн, довольная, что ее сочли полезной, что у нее явились новые обязанности, и уж, верно, не огорченная тем, что исполнять их придется в сельском краю, милом ее сердцу, тотчас согласилась остаться.

Приглашение Мэри избавляло леди Рассел от лишних забот, и тотчас было решено, что Энн не поедет в Бат, покуда леди Рассел не призовет ее туда, а до той поры проживет в Киллинч-лодж и в Апперкроссе.

Все как будто прекрасно улаживалось; но леди Рассел была почти вне себя, когда ей открылся план, согласно которому миссис Клэй отправлялась в Бат вместе с сэром Уолтером и

Элизабет как главная и бесценная помощница последней во всех предстоящих трудах ее. Леди Рассел не постигала, зачем вообще это понадобилось, недоумевала, страшилась, печалилась; а уж унижительность такой меры для Энн, вовсе, оказывается, не нужной там, где миссис Клэй незаменима, еще усугубляла ее огорчение.

Привыкнув к подобным уколам, сама Энн сделалась к ним нечувствительна, однако не меньше, чем леди Рассел, она сознавала неразумность такого решения. Наблюдая и зная, увы, даже чересчур хорошо характер отца, она опасалась, что новая эта дружба очень может повлечь последствия, важные для всего семейства. Едва ли сейчас отец ее был близок к такого рода помыслам. Миссис Клэй обладала веснушками, выступающим зубом и толстыми руками, которые он нередко порицал в ее отсутствие; однако она была молода и, конечно, недурна собою, а быстрый ум ее и неутомимая угодливость таили куда большую опасность, чем неверные обольщения внешности.

В этой опасности Энн настолько отдавала себе отчет, что совесть бы ее замучила, не попытайся она раскрыть на все глаза своей сестрице. Она мало верила в успех предприятия, но ей не хотелось, чтобы Элизабет, в случае рокового оборота терявшая куда больше ее самой, могла потом упрекнуть ее в безучастии.

Она и переговорила с Элизабет, но, кажется, лишь оскорбила ее. Элизабет не понимала, как пришла ей в голову фантазия столь нелепая, и, негодуя, уверяла, что каждая из обсуждаемых сторон прекрасно сознает свое положение.

– Миссис Клэй, – сказала она запальчиво, – никогда не забывает своего места; я лучше тебя знаю ее образ мыслей и смею тебя уверить, что на брак она смотрит на редкость благородно и больше, чем кто-нибудь, осуждает всякое неравенство происхождения и богатства. Что же до моего отца, я не постигаю, в чем его, ради нас столь долго вдовевшего, можно теперь заподозрить. Ну, будь еще миссис Клэй блестящая красавица, да, я не вправе была бы ее приближать; ничто, разумеется, не заставило бы отца вступить в союз, столь его принижающий, однако она могла сделаться причиной его несчастья. Но бедняжка миссис Клэй, которую не назовешь и хорошенькой, ах, миссис Клэй, бедняжка, решительно никакой угрозы не представляет. Можно подумать, ты и не слыхивала, как сетует отец на ее злополучия, а ведь пора бы, кажется, наизусть это выучить. Зуб и веснушки. У меня, например, веснушки не вызывают такого отвращения. Я знавала одно лицо, которое несколько веснушек вовсе почти не портили, но отец – непримиримый враг веснушек. Ты, я надеюсь, слышала, как он характеризует веснушки миссис Клэй.

– Едва ли сыщется такой недостаток внешности, – заметила Энн, – с которым приятное обхождение нас постепенно бы не примирило.

– Я совершенно иного мнения, – объявила Элизабет наотрез. – Приятное обхождение может оттенять прекрасные черты, но не в силах исправить дурные. К тому же все это касается больше всего моих интересов, а потому, полагаю, и не стоит труда меня поучать.

Энн отступилась, радуясь, что разговор позади, и теща себя надеждой, что предостережения ее не вовсе остались без пользы. Хоть они и оскорбили Элизабет, но, быть может, сделают ее осмотрительней.

Четверка коней сэра Уолтера служила ему последнюю службу, увозя его, мисс Эллиот и миссис Клэй в Бат. Компания пускалась в путь в самом веселом расположении духа; сэр Уолтер еще готовил величавые поклоны для всех скорбящих крестьян и арендаторов, которые вздумают явиться на проводы, а Энн, со спокойствием отчаяния, уже брела в Киллинч-лодж, где надлежало ей провести первую неделю.

Леди Рассел печалилась не меньше своего юного друга. Она болезненно переживала отъезд семейства. О чести их она пеклась не менее, чем о своей собственной, а ежедневные встречи сделались милой ее сердцу необходимой привычкой. Тяжело ей было смотреть на опустелые уголья, а еще тяжелее воображать тех, кому теперь они достанутся; и вот, чтобы не видеть

грустных покинутых полей и не встретиться с адмиралом и его супругой, когда они нагрянут, она решила ехать в Бат тотчас, как придется расстаться с Энн. И они отправились вместе, и Энн осталась в Апперкроссе, в самом начале пути следования леди Рассел.

Апперкросс был помещьем средней руки, где всего несколько лет назад, по обычаю английской старины, лишь две постройки отличались от жилищ крестьян и арендаторов: господский дом под сенью вековых деревьев, в саду, обнесенном высоким забором с большими воротами, крепкий и чуждый поветриям моды, и прочный дом приходского священника с особым уединенным садом, где груши и виноград подступали под самые окна; но после женитьбы молодого барина ему отвели арендаторский дом, преобразовав и возведя в сан виллы, и с той поры Вилла Апперкросс своими верандами, стеклянными дверями и тому подобными прелестями так же точно могла притянуть на внимание проезжающего, как и более основательный и разнообразный Большой Дом, отстоящий от нее на четверть мили.

Энн нередко случалось здесь гостить. Обычай Апперкросса знала она не хуже, чем обычай Киллинча. Оба здешних семейства так тесно сообщались, поминутно навещаясь друг друга во всякое время дня, что, застав Мэри одну, Энн немало удивилась; однако раз она была одна, она, уж конечно, страдала от хандры и недомоганья. Хоть и не такая скучная, как старшая сестрица, Мэри не обладала ни умом, ни характером Энн. Будучи здорова, благополучна и окружена вниманием, она умела радоваться и веселиться, но любая мелочь выбивала ее из колеи. Заполнить одиночество было ей решительно нечем; а взяв от отца немалую долю тонкой чуткости к своей особе, она при каждом огорчении умела вдобавок вообразить себя обиженной и обойденной. Внешностью она уступала обеим сестрам и даже в лучшую свою пору была не более как «очень мила». Сейчас она лежала на выцветшей софе в хорошенькой гостиной, прежде элегантная мебель которой уже несколько пострадала от воздействия четырех лет и двоих детей, и, завидя Энн, встретила ее словами:

– Ах, ну наконец-то ты явилась! Я уж думала, так тебя и не дождусь. Я до того больна, что мне даже разговаривать трудно. И во все утро я живой души не видела!

– Как это жаль, однако, – отвечала Энн. – А ведь еще в четверг ты сообщала, что чувствуешь себя совсем здоровой.

– Да, я взяла себя в руки; это я умею, но я и тогда чувствовала себя нехорошо, а уж нынче утром так расхворалась, как никогда еще прежде. В таком положении нельзя оставлять человека одного. А вдруг бы мне сделалось совсем дурно, и я бы даже не могла дотянуться до колокольчика! Леди Рассел не пожелала, стало быть, выйти из кареты. Она за все лето, кажется, и трех раз у нас не показалась.

Энн отвечала надлежащим образом, после чего осведомилась у Мэри о ее супруге.

– Ах, Чарлз пошел стрелять дичь. Ушел, хоть я ему растолковала, как мне плохо. Обещал не задерживаться. Однако его все нет, а ведь уж скоро час. Поверь, я живой души не видела за все утро.

– Но ведь дети твои были при тебе?

– Да, покуда я не устала от шума; они до того несносны, что от них один вред. Маленький Чарлз совершенно меня не слушается, и Уолтер делается точно такой же.

– Ну вот, теперь тебе сразу полегчает, – весело отвечала Энн. – Я уж сумею тебя вылечить. Как поживает твоя родня в Большом Доме?

– Ничего не могу тебе о них рассказать. Я их сегодня и не видела, только мистер Мазгроув поговорил со мной через окно, да и то даже не спешил с лошади; и хоть ему было сказано, как мне плохо, никто не потрудился меня проведать. Видно, у молоденьких мисс Мазгроув не было охоты гулять, а разве станут они ради других утруждаться!

– Они, конечно, еще придут. Утро ведь не кончилось.

– Поверь, мне не до них. Несносные, на мой вкус, хохотушки и болтуны. Ах, Энн, до чего же мне плохо! И не стыдно тебе, что ты в четверг не приехала?

– Мэри, милая, да ты только вспомни, что ты мне писала! Я получила от тебя превеселую записочку о том, что ты совершенно здорова и мне не следует торопиться; а значит, ты сама же и поймешь, как хотелось мне побыть с леди Рассел до последнего; но, даже оставляя в стороне мои чувства, я была так занята, у меня столько было дел, что я никак не могла выбраться раньше из Киллинча.

– Господи! Ну какие у тебя дела?

– Поверь, всевозможные; сейчас и не упомянуть, но вот кое-какие, к примеру. Я составляла копию со списка отцовых книг и картин. Без конца бегала в сад с Маккензи, стараясь сообразить и ему втолковать, какие из растений Элизабет надо препоручить леди Рассел. А ко всему у меня были еще свои мелкие хлопоты – разобрать книги и ноты, заново уложить чемоданы, потому что я вовремя не догадалась, что решат погрузить на телеги. И еще, Мэри, мне пришлось исполнять трудную повинность: я обошла чуть ли не все дома в приходе и со всеми попрощалась. Мне передали, что им этого хочется. А это так много времени занимает.

– Ах, ну довольно! – И после минутной паузы: – Но ты и не спрашиваешь, как мы вчера отобедали у Пулов?

– Так ты была? Я не спрашиваю, думая, что тебе пришлось остаться дома.

– Отчего же? Я была. Вчера я еще хорошо себя чувствовала. Я до самого нынешнего утра хорошо себя чувствовала. Странно было бы, если бы я отказалась ехать.

– Ну, я рада, что ты хорошо себя чувствовала, и надеюсь, тебе было весело.

– Какое весело? Про эти званые обеды всегда наперед знаешь, чем тебя станут потчевать и кого ты встретишь; и вдобавок мука, когда нет собственного выезда. Мистер и миссис Мазгроув меня отвезли, но до чего же было тесно в карете! Оба они до того толстые, так много места занимают; и мистер Мазгроув вечно норовит сесть впереди. А я теснилась сзади между Луизой и Генриеттой; оттого я, верно, и расхворалась.

Стойкое терпение и героическая веселость Энн имели следствием почти полное исцеление Мэри. Скоро она уже была в силах сидеть на софе и выражала надежду, что к вечеру будет в состоянии с нее подняться. Далее она, в рассеянии, оказалась на другом конце гостиной, поправляя букет; затем скушала остывший завтрак, а затем и вовсе окрепла настолько, что отважилась немного прогуляться.

– Куда бы нам пойти? – рассуждала она. – Ведь ты не станешь навещать в Большой Дом, куда сами они не пришли с тобой поздороваться?

– Ах, отчего же, мне решительно все равно, – отвечала Энн. – Я не пускаюсь в церемонии с людьми, которых так близко знаю, как мистера и миссис Мазгроув.

– Но они могли бы поскорей с тобой поздороваться. Не забудь – ты *моя* сестра. Впрочем, можно, разумеется, заглянуть к ним на минутку, а потом уж, когда мы от них отделаемся, мы в свое удовольствие погуляем.

Энн всегда удивляли подобные соображения, но уж давно она поняла, что, хотя у обеих сторон постоянно находятся причины обижаться, без своих обид они бы попросту заскучали. А потому она ни во что не вмешивалась.

Сестры отправились в Большой Дом и добрых полчаса просидели в старомодной солидной зале с маленьким ковриком и лоснящимся полом, в которой юным хозяйкам постепенно удалось навести надлежащий беспорядок, водрузив здесь фортепьяно, арфу, жардиньерки и множество столиков мал мала меньше. О, если бы изображенные на портретах господ в темных бархатах и дамы в голубых атласах, если бы они все это видели, если бы знали, как попираются благоприличие и обычай! Но даже и сами портреты, казалось, с изумлением смотрели со стен.

Семейство Мазгроув, как и дома его, находилось в состоянии перестройки и, мы бы сказали, усовершенствования. Мать и отец были выдержаны еще во вкусе английской старины, а молодежь – уже в новом вкусе. Мистер и миссис Мазгроув были очень хорошие люди, радуш-

ные, гостеприимные, небольшой учености и вовсе не притязавшие на моду. Дети же шли в ногу со временем. Семья была многочисленная; но взрослыми, кроме Чарлза, были только Генриетта и Луиза, две юные особы девятнадцати и двадцати лет от роду, которые привезли из Эксетера обычные плоды учености и потому, подобно тысячам других юных особ, цель жизни полагали в том, чтобы быть светскими, счастливыми и веселыми. Платья их были выше похвал, лица миловидны, настроение превосходное, обхождение легко и приятно; дома им потакали, в гостях они нравились. Энн почитала их счастливейшими существами в своем окружении; однако, как и все мы, удерживаемая приятным чувством превосходства от желания с кем-нибудь поменяться судьбою, она не отдала бы своего более изощренного и тонкого ума за все их наслаждения; и только одному она завидовала: царящему меж ними согласию и любви, которых самой ей так недоставало в обеих сестрах.

Их приняли с большой сердечностью. Ни малейшего повода к недовольству не подали Мазгроувы, которых – слишком хорошо понимала Энн – и вообще упрекать было не в чем. Полчаса незаметно пролетели в беспечной болтовне; и Энн ничуть не удивилась, когда по истечении сего срока, уступив настоятельным уговорам Мэри, обе мисс Мазгроув приняли участие в прогулке.

Глава VI

Энн и без этого визита в Апперкросс прекрасно знала, что стоит попасть из одного круга в другой, пусть всего и в трех милях от прежнего, и там найдешь ты совсем иной разговор, иные понятия и нравы. Всякий раз, попадая сюда, она дивилась и желала, чтобы и прочие Эллиоты имели случай убедиться в том, как мало здесь важны те самые обстоятельства, какие в Киллинче считают занимательными для всего света; однако она призналась себе в том, что ей весьма полезен был другой урок: она научилась понимать, сколь мало значим мы за пределами своего круга; ибо, явившись сюда полной забот, многие недели безраздельно поглощавших обитателей Киллинча, она рассчитывала встретить куда более интереса и сочувствия, нежели содержалось в одинаковых вопросах несговаривавшихся мистера и миссис Мазгроув: «Стало быть, мистер Эллиот и сестрица ваша отбыли; и в какой части Бата, по-вашему, они вздумали обосноваться?» – к тому же не требовавших ответа; или в восклицаниях дочек: «Мы вот тоже зимой собираемся в Бат; но запомните, папенька, если уж мы туда поедем, кое-как ютиться нам не пристало!» – или обеспокоенной Мэри: «Господи, а я-то хороша буду, когда вы все уедете в Бат наслаждаться жизнью!»

Одно ей оставалось – не обольщаться более и тем благодарнее думать о милости судьбы, пославшей ей такого верного и преданного друга, как леди Рассел.

Отца и сына занимала дичь, которую оберегали они и истребляли, занимали лошади, собаки, газеты; мысли дам были всецело посвящены хозяйству, соседям, нарядам, танцам и прочим столь же увлекательным предметам. Энн совершенно примирилась с тем, что во всяком маленьком обществе должны быть особенные темы для разговора, и надеялась в недалеком времени стать достойной нового своего окружения. Она собиралась не меньше двух месяцев провести в Апперкроссе, а потому обязана была отлить свое воображение, воззрения и память в принятые здесь формы.

Эти два месяца ничуть ее не пугали. Мэри была куда родственней, чем Элизабет, и куда менее недоступна внушениям Энн; от прочих же обитателей Виллы она не ждала никакого вреда. С зятем своим она всегда ладила, а мальчики, которые любили ее почти так же, как свою мать, и уважали куда более, возбуждали в ней любопытство, забавляли ее и требовали ее заботы.

Чарлз Мазгроув был учтив и очень мил; сердцем и умом он был, без сомнения, возвышенной своей супруги, но, не владея искусством тонкой беседы, не располагая ни живостью, ни приятностью манер, он не мог вызвать в Энн опасных сожалений о минувшем, которое их связывало; правда, Энн вместе с леди Рассел думала, что, женись он удачней, он мог бы развиться; что женщина, поистине его понимающая, могла бы усовершенствовать его характер, сделать тоньше и тверже. Теперь же Чарлз старательно предавался одним забавам; остальное время тратил он впустую, не имея склонности к чтению или к другим упражнениям ума, пребывал всегда в прекрасном расположении духа, мало унывал из-за одолевавшего Мэри нездоровья, стойко сносил, к восхищению Энн, все ее капризы, и даже, хоть случалось им слегка повздорить (Энн против воли приходилось выслушивать обе стороны, прибегавшие к ее посредничеству), их можно было почесть счастливою четой. Меж ними царило полное согласие по части средств, ибо обоим их казалось мало и оба весьма были расположены получить солидный дар от старшего мистера Мазгроува; однако Чарлз и тут был несколько благороднее Мэри, полагая, что отец вправе распоряжаться своими средствами так, как ему заблагорассудится, тогда как Мэри не могла ему этого простить.

Что до воспитания детей, и здесь он руководился куда более разумною теорией и куда лучше с ними управлялся. «Я бы с ними и вовсе сладил, если б не Мэри», – говаривал он Энн, и Энн с ним молча соглашалась; когда же она слушала, в свою очередь, жалобы Мэри:

«Чарлз так портит детей, только мешает воспитывать», – ни разу не было у нее ни малейшего искушения сказать: «Да, это верно».

Пребывание Энн в Апперкроссе немало омрачалось тем, что все стороны чересчур были к ней расположены и поверяли ей домашние секреты. Зная влияние ее на сестру, ей поминутно советовали, иной раз намеком, чтобы она его употребила на общее благо, забывая, что она не всеильна.

«Хотя бы ты убедила Мэри, что она не так уж больна», – говорил ей Чарлз. А сама Мэри говорила в горькие минуты: «Ах, да я и умирать буду, Чарлз не заметит во мне никакой болезни. Я знаю, Энн, стоит тебе захотеть, и ты могла бы убедить его, что я и вправду больна, очень больна, я только виду не показываю».

Или Мэри объявляла: «Я не люблю отпускать детей в Большой Дом, хотя бабушка вечно их зазывает, не люблю, потому что там балуют их, и портят, и пичкают сладостями, и потом их тошнит, и с ними сладу нет». А миссис Мазгроув при первом же удобном случае, оставшись с Энн наедине, сказала: «Ах, мисс Энн, как бы я хотела, чтобы невестка моя поучилась у вас с детьми обращаться. С вами-то они совсем другие делаются! А ведь они до того набалованные! Если б только она у вас поучилась! Они, бедняжки мои, такие дивные, здоровые крошки, лучше не бывает, я ведь, знаете, сужу без пристрастия. Но миссис Чарлз не понимает в воспитании. Господи! Какие они порой делаются несносные! Признаться, мисс Энн, оттого-то я и зову их к нам реже, чем мне хочется. Миссис Чарлз, боюсь, на меня в обиде. И то сказать, я редко их зову. Да ведь, право, грех вечно одергивать детей: „так не делай“, „этак не ступи“ – и не в меру пичкать сладостями, когда они уж совсем расшальются».

Далее Мэри, к примеру, ей сообщала: «Миссис Мазгроув думает, будто у нее верные слуги; ей слова про них не скажи; но я-то знаю, я убеждена, что старшая горничная и прачка вечно отлынивают от работы и целыми днями по деревне слоняются. Куда ни пойду, вечно я на них натыкаюсь; а как ни войду в девичью, вечно они там. Не будь моя Джеммайма сущий клад, какой бы пример они ей подавали! Вечно сманивают ее погулять, она уж мне признавалась». А миссис Мазгроув, со своей стороны, утверждала: «Я взяла за правило не соваться в дела моей невестки, толку все равно никакого, но вам-то уж я скажу, мисс Энн, вы меня поймете: не нравится мне ее няня; чего только про нее не рассказывают, дескать, вечно глупости на уме, и вдобавок я сама вижу, это такая, я вам скажу, щеголиха, что всех слуг, того гляди, перепортил. Миссис Чарлз, я знаю, на нее не надышится; но вас-то я на всякий случай решила предостеречь, если что заметите – сразу ей скажите».

Еще Мэри жаловалась, что миссис Мазгроув вечно норовит оттеснить ее с хозяйского места на званых обедах в Большом Доме, и недоумевала, отчего ее там считают уж настолько своей, чтобы лишать подобающего ей положения. А как-то раз, гуляя в обществе барышень, Энн довелось услышать рассуждения одной из них о чинах и чинопочитании, завершившиеся словами: «Тебе я могу сказать, ведь все знают, как легко и свободно сама ты на это смотришь, но кое-кто до того глупо отстаивает свое место! Тебе бы следовало намекнуть Мэри, что куда разумней было бы ей умерить свое рвение и не лезть на матушкино место. Никто не сомневается в ее правах, но пристойней было бы на них не настаивать. Матушке, разумеется, решительно все равно, но многие, я знаю, косо смотрят на поведение Мэри».

Ну как ей было все это уладить? Оставалось лишь терпеливо выслушивать, сглаживать острые углы, извинять каждого в глазах другого, всем намекать на пользу снисходительности к тому, с кем живешь бок о бок, и делать явственнее те намеки, которые назначались для пользы Мэри.

Во всем прочем Энн жилось здесь недурно. Она повеселела от перемены места, очутившись в совсем ином мире, на три мили отстоящем от Киллинча. Недуги Мэри отступили, коль скоро было кому на них постоянно жаловаться, а ежедневные сношения с Большим Домом, не мешая ни более сильным привязанностям, ни более важным делам на Вилле, ибо таковых не

наблюдалось, скрашивали им часы досуга. Сношения эти были довольно тесны, ибо, сойдясь обыкновенно поутру, все редко когда порознь провожали вечер; Энн, однако, понимала, что без почтенных фигур мистера и миссис Мазгроув, без смеха, болтовни и пения их дочерей ей пришлось бы нелегко.

На фортепьяно играла она куда лучше обеих здешних барышень, но, не зная арфы, не имея ни голоса, ни нежных родителей, которые сидели бы рядом и воображали, будто они в восхищении, она могла рассчитывать лишь на вежливое внимание, да и то когда другим следовало отдохнуть. Она знала, что своей игрой доставляет удовольствие одной себе; но чувство это было для нее не внове. Никогда, исключая небольшой период, никогда с четырнадцати своих лет, со времени, когда лишилась она любящей матери, не помнила она, чтобы ее внимательно слушали и ободряли справедливым и точным суждением и советом. Играя, она всегда чувствовала себя наедине с музыкой; но видя, как предпочитают миссис и мистер Мазгроув искусство своих дочек всякому другому, она гораздо более радовалась за них, нежели на них обижалась.

Порой здесь сходилась обществу и более широкое. Помещиков в округе было немного, но все ездили к Мазгроувам и ни у кого не бывало так много парадных обедов, случайных и званых гостей, как у них. Их решительно все признавали.

Барышни были без ума от танцев, и чуть не всякий вечер вдруг завершался балом. Неподалеку в несколько стесненных обстоятельствах жила родня, развлекавшаяся только благодаря Мазгроувам; они могли нагрянуть в любое время, принять участие в любой игре и танцах; и Энн, предпочитая скромную роль музыкантши всякой иной, часами наигрывала для них контрадансы; и тут уж миссис и мистер Мазгроув высоко оценивали ее дарование, восклицая: «Прекрасно, мисс Энн! В самом деле отменно! Господи! Ну как ловко порхают эти маленькие пальчики!»

Так протекали первые три недели, и сердце Энн уже невольно вновь обратилось к Киллинчу. Любимый дом передан в чужие руки; милые комнаты и мебели, рощи и уголья усладят чужие взоры! Ни о чем другом она и думать не могла во весь день 29 сентября; и Мэри, вечером вспомнив, какое сегодня число, выразила ей сочувствие таким образом:

– Господи, ведь нынче Крофты выезжают в Киллинч! Хорошо еще, что я прежде об этом не думала. Эта мысль ужасно на меня действует!

Крофты вступили во владение Киллинчем с той быстротой, которая приносит морские победы, и теперь надлежало их посетить. Мэри бесконечно тяготилась предстоящим визитом (ей будет так тяжело, она будет так страдать, она постарается, сколько возможно, это оттянуть) и не утешалась до тех пор, покамест – вскорости – не заставила Чарлза отвезти ее в Киллинч, откуда воротилась в весьма приподнятом настроении и в сокращении сердечном.

Энн же искренне радовалась тому, что в бричке Чарлза не нашлось ей места. Однако ей хотелось поглядеть на Крофтов, и она радовалась, что оказалась на Вилле, когда они возвращали визит. Они явились; хозяин дома отсутствовал; сестры обе были на месте; и коль скоро адмирал сидел рядом с Мэри и радовал ее своей любезностью, превознося достоинства обоих ее сыновей, Энн досталась честь развлекать миссис Крофт и, не находя дорогого сходства в чертах, она ловила его в голосе и отличала в строе чувств.

Миссис Крофт, не будучи ни высокой, ни дородной, была основательно и крепко сбита, что придавало ее облику внушительность. Обладая блестящими карими глазами и прекрасными зубами, она была бы вовсе недурна, если бы лицо ее не потемнело от морских ветров так, что она казалась несколько старше тех тридцати восьми лет, какие прожила на свете. Держалась она непринужденно, как человек, никогда не испытывавший неуверенности в себе или своей правоте; притом она никогда не бывала резка или опечалена. Энн уверилась, что она с большой деликатностью относится к ее чувствам, касающимся Киллинча, и умела это оценить; вдобавок она с первой же минуты, едва их друг другу представили, поняла, что миссис Крофт

ничего не знает и не подозревает такого, что могло бы повести к недоразумениям. Она совершенно успокоилась на сей счет и ничего не опасалась до той самой минуты, когда ее, словно током, пронзили слова миссис Крофт:

– Так это с вами, полагаю, а не сестрой вашей брат мой имел удовольствие свести знакомство, когда он тут жил?

Энн надеялась, что вышла из того возраста, когда мы от смущения заливаемся краской; но она не вышла из того возраста, когда нами властвуют чувства.

– Вы не знали, быть может, что теперь он женат? Она сумела отвечать как должно; и, когда миссис Крофт пояснила далее, что речь идет о мистере Уэнтурте, Энн порадовалась от души, что ничего не сказала такого, что не могло бы в равной мере относиться к обоим братьям. И тотчас она сочла натуральным предположить, что миссис Крофт имеет в виду Эдварда, а не Фредерика, и, стыдясь собственной забывчивости, с приличным участием отнеслась к перемене в судьбе бывшего своего соседа.

Далее ничто не омрачало спокойствия Энн, покуда она не услышала, как адмирал, уже откланиваясь, сказал Мэри:

– Мы вскоре ожидаем брата миссис Крофт. Вы, я полагаю, о нем слышали...

Его прервали вопли мальчишек, которые висли на нем на правах близких приятелей, и, одолеваемый их предложениями, чтобы он унес их в карманах плаща и тому подобное, он уже не имел возможности ни закончить, ни вспомнить начатую фразу; и Энн оставалось себя убеждать, что речь идет все о том же брате. В этом, однако, преуспела она не вполне и горела желанием узнать, поминался ли сей предмет в Большом Доме, где успели уже побывать Крофты.

Семейство из Большого Дома намеревалось провести вечер на Вилле, а коль скоро миновала уже та пора года, когда приятно делать такие прогулки пешком, то сестры прислушивались, не едет ли карета, когда вдруг на пороге появилась младшая мисс Мазгроув. Мэри тотчас заключила, что она пришла извиняться, что весь вечер им предстоит проскучать, и готовилась уже должным образом оскорбиться, когда Луиза развеяла недоразумение, объяснив, что пришла пешком, уступая место в карете арфе.

– Сейчас все расскажу по порядку, – сказала она. – Все-все расскажу. Я прибежала вас предупредить, что батюшка и матушка нынче очень опечалены, матушка особенно; она все думает про бедняжку Ричарда! Вот мы и решили взять с собой арфу, ведь матушка предпочитает ее клавесину. Сейчас, сейчас расскажу, отчего она так опечалена. Утром заехали Крофты (они ведь потом и у вас побывали, правда?) и между прочим сказали, что брат миссис Крофт, капитан Уэнтурт, не то вернулся в Англию, не то вышел в отставку, и в самом скором времени наведается к ним; и матушке, как назло, пришлось в голову, едва они ушли, что бедняжка Ричард служил одно время под началом капитана Уэнтурта, или что-то в этом роде; где, когда – ничего не знаю, но задолго до того, как он, бедняжка, погиб! Она перечла его письма, удостоверилась, что так оно и есть, что это тот самый капитан Уэнтурт, и теперь у нее только и разговору, что про бедняжку Ричарда! Давайте же будем все веселиться, чтобы она немного развеялась.

Истинное содержание этой трогательной странички из семейной хроники состояло в том, что Мазгроувы имели несчастье произвести на свет нерадивого, никчемного и неисправимого сына и имели счастье потерять его на двадцатом году; что его послали на море, ибо на суше с ним не было никакого сладу; что в семье его любили очень мало, ничуть не менее, однако, чем он того заслуживал; он почти не давал о себе знать и едва ли сильно опечалил родных, когда весть о его кончине в чужих краях два года назад достигла Апперкрасса.

В самом деле, хоть теперь сестры делали для него все возможное, именуя «бедняжкой Ричардом»; это был не кто иной, как тупой, бесчувственный, никудышный Дик Мазгроув, ничем не заслуживший даже и того, чтоб его называли полным именем и при жизни, и после смерти.

Несколько лет проведя на море и перемещаясь с судна на судно, как и положено мичману, особливо же такому, от кого рад избавиться капитан, шесть месяцев прослужил он на фрегате капитана Уэнтуорта, на «Лаконии», и с этой самой «Лаконии» и послал, по настоянию капитана Уэнтуорта, те два письма, которые получили от него родители за все время его отсутствия: вернее же будет сказать, два бескорыстных письма, ибо прочие содержали просьбы о деньгах и ничего более.

В обоих письмах он лестно отзывался о своем капитане; но у них мало было привычки к подобным материям, суда и командиры мало их занимали, а потому аттестации Дика оставили они без внимания; и то, что миссис Мазгроув вдруг вспомнила капитана Уэнтуорта и связала его со своим сыном, казалось поистине непостижимым озарением ума.

Она нашла подтверждение своей догадке, перечитав его письма; а перечитав их теперь, спустя столь долгий срок после гибели бедняжки, когда некоторые особенности его нрава уже изгладились из ее памяти, она принялась горевать куда более, нежели тогда, когда впервые получила известие о его кончине. Мистер Мазгроув, хотя и в меньшей мере, тоже был потрясен; и оба принесли на Виллу свои страдания, явственно желая, во-первых, их излить и, во-вторых, забыть в веселом кругу молодежи.

Они много говорили о капитане Уэнтуорте, без конца повторяли его имя, вспоминали прошедшее и, наконец, предположили, что он скорее всего, нет, непременно, окажется тем самым капитаном Уэнтуортом, которого они несколько раз встречали после возвращения своего из Клифтона, – только вот когда же? семь или восемь лет тому? Да, приятнейший молодой человек, – что оказалось для Энн нелегким испытанием. Однако она поняла, что надобно ей привыкать. Раз его тут ждали, следовало приноровиться к такого рода впечатлениям. А его тут не только ждали, и даже очень скоро, но вдобавок Мазгроувы, пылая к нему благодарностью за доброту его к бедняжке Дику и высоко ставя его характер, достоинства которого подтверждались тем, что Дик целых шесть месяцев служил под его началом и весьма похвально, хоть и не очень грамотно, отнесся о нем в письме как о «храбром славном малом, если б только не воспитовал», намеревались с ним познакомиться, едва он объявится в здешних краях.

На том и порешили, утешились и приятно провели вечер.

Глава VII

Прошло всего несколько дней, и капитан Уэнтуорт объявился в Киллинче, мистер Мазгроув отправился туда с визитом и воротился очарованный и взявши с Крофтов честное благодарное слово, что в конце будущей недели все они пожалуют отобедать в Апперкросс. Мистер Мазгроув огорчился только тем, что придется столь долго ждать и нельзя еще ранее выказать свою признательность, введя капитана Уэнтуорта в свой дом и почтив всем, что сыщется лучшего и крепчайшего в погребках его. Но неделю оставалось ждать; всего неделя, думала Энн, и они снова свидятся; но скоро она почувствовала благодарность судьбе хотя бы и за такую отсрочку.

Капитан Уэнтуорт весьма скоро вернул долг учтивости мистеру Мазгроуву, и Энн едва не оказалась в Большом Доме в те самые полчаса. Они с Мэри совсем уже туда собрались и, как потом она узнала, непременно бы с ним столкнулись, когда бы их не задержала неприятная случайность. Упал и больно ушибся старший мальчик, и именно в ту минуту его принесли домой. В гости идти, разумеется, было невозможно; но как ни тревожилась Энн за ребенка, весть о том, чего ей удалось избежать, тоже не оставила ее хладнокровной.

У мальчика оказалась вывихнута ключица, и он так расшиб спину, что на ум приходили разные ужасы. Вечер протек в волнении и хлопотах; Энн пришлось нелегко: и за аптекарем надо было послать, и разыскать и уведомить отца, и утешать мать, склонную биться в истерике, и присмотреть за людьми, вытолкать младшего братика и приласкать страдальца; а вдобавок следовало осторожно известить Большой Дом, откуда тотчас и явились к ней не умные помощники, но бестолковые вопрошатели.

Впервые вздохнула она с облегчением, лишь когда явился зять; он взял на себя заботы о жене; и уж вовсе полегчало ей, когда подросел аптекарь. Покуда он не приехал и не осмотрел ребенка, опасения были столь же гнетущи, сколь и неясны; боялись серьезных повреждений, не зная, что именно повреждено. А теперь ключица была вправлена, и как ни щупал ребенка мистер Робинсон, как ни мял его, как мрачно ни поглядывал, как значительно ни говорил с отцом и тетужкой, – все надеялись на лучшее и спокойно распрощались, готовые приступить к обеду в довольно ясном состоянии духа. А две юные тетужки оправились настолько, что сумели поведать о визите капитана Уэнтуорта; когда ушли отец и мать, они задержались на пять минут, дабы рассказать о том, до чего они им очарованы и насколько оказался он красивее, благородней, приятней любого из молодых людей, которых прежде они отличали. До чего же они радовались, когда батюшка предложил ему с ними отобедать, до чего огорчились, когда тот отвечал, что это не в его власти, и до чего же радовались снова, когда в ответ на настоятельные уговоры матушки и батюшки он согласился отобедать у них завтра – да, завтра же; и так мило согласился, сразу, видно, понял, тонкий человек, всю причину такого радушия. Короче говоря, он оказался столь любезен, столь хорош, что, ей-богу, вскружил им обеим головы; и обе они убежали столь же беззаботные, сколь влюбленные и занятые капитаном Уэнтуортом куда более, нежели злоключением маленького Чарлза.

Та же история и те же восторги повторились, когда девицы в сумерках вернулись вместе с отцом поведать ребенка; и мистер Мазгроув, преодолевший первый страх за своего наследника, мог теперь поддержать разговор, выражая надежду, что ничто уже не предотвратит визита капитана Уэнтуорта, и сожалея, что обитателям Виллы, верно, не захочется оставить мальчика без своего присмотра.

– Ах, нет! Оставить ребенка! – отец и мать после пережитых тревог об этом не хотели и думать, и Энн, радуясь невольной отсрочке, горячо их поддерживала.

Однако, поразмыслив, Чарлз Мазгроув переменил свое суждение. Ребенок чувствовал себя так хорошо, а самому ему так хотелось представиться капитану Уэнтуорту, что, быть

может, он бы и заглянул к ним вечером; пообедает он, разумеется, дома, но на полчаса он к ним все же заглянет. Но жена его горячо воспротивилась этому плану:

– Ох, нет, Чарлз, нет! Я положительно не могу тебя отпустить! Вообрази, а вдруг что случится!

Ночь прошла благополучно, и назавтра ребенок чувствовал себя хорошо. Надо было еще обождать, чтоб сказать с уверенностью, что в позвоночнике нет повреждений; мистер Робинсон, однако, не нащупывал ничего, что подтверждало бы его опасения, и Чарлз Мазгроув, следовательно, не видел более повода для своего домашнего ареста. Ребенка надо было удерживать в постели и не давать ему шалить. Но что тут прикажете делать отцу? Это уж женское дело, и куда как глупо ему, Чарлзу, совершенно без толку торчать дома. Отец так хотел познакомить его с капитаном Уэнтуортом, нет никаких причин не идти, и не пойти неловко; и, воротясь с охоты, он смело и решительно объявил о намерении своем тотчас переодеться и отправиться на обед в Большой Дом.

– Ребенок чувствует себя как нельзя лучше, – сказал он, – я сказал батюшке, что хочу быть, и он меня одобряет. Раз с тобой сестра, я, душа моя, совершенно спокоен. Разумеется, сама ты не захочешь его оставить, но ты же видишь, от меня никакого проку. Если что, Энн сразу за мною пошлет.

Жены и мужья обыкновенно знают, когда сопротивление бесполезно. По тону Чарлза Мэри поняла, что он обдумал свои слова и не стоит ему перечить. А потому она и молчала, покуда он не вышел из комнаты; но, едва Энн осталась единственной ее слушательницей, она заговорила:

– Значит, нам с тобой придется управляться с бедным больным ребенком; и за весь-то вечер больше ни одной живой души! Так я и знала. Такое уж мое счастье. Случись что неприятное, и мужчины вечно норовят улизнуть, и Чарлз такой же, как все. Бессердечный. Какая бессердечность – убежать от своего бедненького сынишки. Он, видите ли, хорошо себя чувствует! Да откуда он знает, что он хорошо себя чувствует и что через полчаса ему вдруг не сделается хуже? Вот не думала, что Чарлз может быть таким бессердечным. Уйти, забавляться спокойно, а ведь я – бедная мать, мне нельзя волноваться; уж кто-кто, а я-то совсем не в силах выхаживать ребенка. Я – мать, а значит, нельзя испытывать мое терпение. Я в ужасном состоянии. Ты сама видела, что делалось со мною вчера.

– Ты разволновалась от неожиданности, от потрясения. Это не повторится. Все обойдется, поверь. Я запомнила предписания мистера Робинсона, и я совершенно спокойна; и – знаешь, Мэри? – я готова понять твоего мужа. Не мужское дело – нянчиться с детьми. В этом они не сильны. Заботы о больном ребенке всегда ложатся на мать – таково уж материнское сердце.

– Полагаю, я не меньше других матерей люблю своего ребенка, но едва ли для больного от меня больше проку, чем от Чарлза; когда ребенок болен, я не могу вечно одергивать его и на него кричать. А ведь ты сама видела – только я ему скажу, чтоб лежал смирно, и он начинает вертеться. Я просто изнемогаю.

– Но разве могла бы ты веселиться, оставив его на весь вечер?

– А вот и могла бы. Сама видишь – папенька его может, а я чем хуже? Джеймайа такая заботливая; она бы каждый час посылала нам известия. И почему Чарлз не сказал своему отцу, что мы все будем? Я теперь не больше его тревожусь за малыша. Вчера я ужасно тревожилась, а нынче все другое.

– Если, по-твоему, еще не поздно, пойди, пожалуй. Оставь малыша на мое попечение. Миссис и мистер Мазгроув не обидятся, если я с ним останусь.

– Ты не шутишь? – вскричала Мэри, и глаза у нее заблестели. – Боже! Очень верная мысль, удивительно верная мысль! Собственно говоря, отчего бы мне не пойти, ведь проку от меня здесь никакого – не правда ли? Я только понапрасну себя мучаю. Ты избавлена от

терзаний матери, и ты гораздо больше здесь у места. Ты из маленького Чарлза можешь веревки вить, он всегда тебя слушается. Разумеется, так гораздо лучше, чем оставлять его на Джеммайму. О! Ну конечно, я пойду; почему мне и не пойти вместе с Чарлзом, ведь они так хотели, чтобы я познакомилась с капитаном Уэнтуортом, а ты не прочь побыть одна. Очень верная мысль, какая же ты умница, Энн. Пойду скажу Чарлзу и тотчас переоденусь. Ты ведь пошлешь за нами сразу в случае чего; но все будет хорошо, я совершенно спокойна. Уж не сомневайся, я бы не пошла, не будь я совершенно спокойна за своего ребенка.

Минуту спустя она уже стучала в гардеробную своего мужа, и Энн, последовав за нею наверх, стала свидетельницей разговора, начавшегося радостным сообщением Мэри:

– Чарлз, я, пожалуй, пойду с тобою, ведь проку от меня в доме не больше, чем от тебя. Заточи я себя с ним хоть навеки, он все равно не будет меня слушаться. Энн остается с ним; Энн хочет остаться и за ним ухаживать. Энн сама предложила; а я, пожалуй, пойду с тобой. Так-то оно лучше, ведь я со вторника не обедала в Большом Доме.

– Энн очень добра, – отвечал ее муж. – И я буду рад, если ты пойдешь со мною; но не слишком ли жестоко оставлять ее одну с нашим больным ребенком?

Энн тотчас привела собственные доводы, и ей, впрочем, ценой весьма малых усилий удалось своею искренностью сломить его сопротивление. Без дальнейших угрызений совести он смирился с тем, что она будет обедать одна, правда, выражая желание, чтобы она присоединилась к ним позже, и прося разрешения за нею зайти. Она, однако же, была непреклонна и весьма скоро имела удовольствие распрощаться с довольной четой. Она надеялась, что они весело проведут вечер, каким бы странным ни показалось такое веселье. Самой же Энн оставалось самое большое утешение, какое, верно, и было ей суждено. Она знала, что нужна больному ребенку; и что ей за дело, если Фредерик Уэнтуорт в полумиле от нее занимает других приятной беседой?

Она гадала, с какими чувствами думал он о предстоявшей им встрече. С безразличием, быть может, если безразличие возможно в таких обстоятельствах. С безразличием или с недовольством. Ведь пожелай он увидеться с ней, ему незачем было бы ждать так долго; он поступил бы так, как непременно поступила бы она на его месте, он искал бы свиданья давным-давно, когда обрел он независимость, которой одной и недоставало для их счастья.

Сестра и зять вернулись, очарованные новым знакомством и тем, как провели они вечер. Уж они и музицировали, и пели, весело болтали, хохотали – вечер был приятнейший. Капитан Уэнтуорт мил до чрезвычайности, не дичится, не конфузится, они словно век целый были знакомы, и завтра же утром он обещал охотиться вместе с Чарлзом. Он придет к завтраку, но нет, не на Виллу, хотя они первые его пригласили, да потом его стали сманивать в Большой Дом, и он боялся помешать Мэри, раз у нее на руках больной ребенок, словом, почему-то, неизвестно почему, они в конце концов условились встретиться с Чарлзом за завтраком у его отца.

Энн все поняла. Он не хотел ее видеть. Он, оказалось, справлялся о ней, но вскользь, как и подобало после давнего и шапочного знакомства, о котором упомянул он, как и она, конечно, чтобы избавить себя и ее от неловкости, ибо иначе его стали бы ей представлять.

На Вилле утро тянулось всегда дольше, чем в Большом Доме, так было и на сей раз, и Энн с Мэри только еще собирались завтракать, когда Чарлз явился сказать, что они отправляются, что он пришел за собаками, а сестрицы с капитаном Уэнтуортом идут следом; сестрицы желают проведать ребенка, а капитан Уэнтуорт хотел бы засвидетельствовать Мэри свое почтение, если этим ей не помешает, и, хотя Чарлз убеждал его, что ребенок вовсе не так уж плох и он, капитан, ничуть не помешает матери, тот не решался показаться, не предупредив ее.

Мэри, довольная вниманием капитана, тотчас выказала готовность принять его, в то время как Энн обуревали тысячи разных мыслей, из которых самая утешительная была та, что визит не продлится долго. И он долго не продлился. Через две минуты после предупрежде-

ния Чарлза они явились; их приняли в гостиной. Она избегала взглядом капитана Уэнтуорта. Он поклонился; она присела; она услышала его голос: он говорил с Мэри и сказал все, что положено в подобных случаях; он что-то сказал барышням, что выдавало милую непринужденность отношений; казалось, гостиная полна, полна людей и голосов, и вот через несколько минут сразу все кончилось. В окно заглянул Чарлз, сказал, что все готово, гость откланялся, и барышни ушли тоже, вдруг решив проводить охотников до околицы; гостиная опустела, и Энн осталось только завершить свой завтрак.

«Позади, позади! – взволнованно твердила она про себя, благодарная судьбе за эту милость. – Худшее позади!»

Мэри болтала, Энн отвечала наобум и невпопад. Она повидала его. Они встретились. Они были под одной крышей.

Скоро, однако, она стала унимать свое волнение. Восемь лет, почти восемь лет минули с тех пор, как все было кончено. Не безумие ли вновь предаваться чувству, которое свели на нет годы и дали? Восемь лет – шутка ли? Полные событий, расхождений и перемен – все, все унесли они с собою, взамен подарив забвение былого. Ведь это целая треть всей ее жизни!

Увы! Вопреки всем этим уговорам восемь лет оказывались не властны над упрямым сердцем.

Да, но что испытывал он? Решил избегать ее? Но тотчас она уже казнила себя за самый вопрос.

Другим вопросом, от которого, верно, не удержали бы ее никакие разумные рассуждения, она, к счастью, не успела задаться, ибо, едва барышни, проводив охотников и опять заглянув на Виллу, благополучно отбыли вновь, Мэри услужливо ей сообщила:

– Знаешь, Энн, капитан Уэнтуорт не очень лестно отнесся о тебе, а передо мной-то как рассыпался. Генриетта спросила, как он тебя находит, и он ей сказал: «Так переменилась, что и не узнать».

Мэри не имела обыкновения щадить чувства сестры, но, разумеется, сейчас и не догадывалась о том, как больно она ее ранит.

«Переменилась до неузнаваемости», – соглашалась Энн с молчаливой мукой. В этом не было сомнений, и она не могла даже утешиться мыслью о том, что и он переменился. Уж, во всяком случае, не к худшему. Она успела в этом убедиться и не могла изменить своего суждения, что бы ни говорил о ней самой капитан Уэнтуорт. Нет, годы, сгубившие цвет ее юности, его чертам лишь придали возмужалости, ничуть не нарушая очарования. Она видела пред собою прежнего Фредерика Уэнтуорта.

«Так переменилась, что и не узнать!» – эти слова не могли не запасть в ее память. И скоро она уже радовалась, что услышала их. Слова эти отрезвляли, охлаждали пыл души; они успокаивали, а ведь покой – замена счастья.

Фредерик Уэнтуорт сказал эти или очень похожие слова, никак не думая, что их передадут Энн. Он нашел, что годы жестоко ее переменили; и когда его спросили о ней, так и отвечал без утайки. Он не простил Энн Эллиот. Она обошлась с ним дурно, предала его и разочаровала; хуже – она выказала такую слабость характера, какой он, со своим честным и открытым нравом, не мог извинить. Она бросила его в угоду другим. Она чересчур покорно поддалась доводам рассудка. А уж это малодушие.

Он был предан ей всей душою и не встречал потом женщины, какую мог бы поставить с нею рядом; но, кроме простого любопытства, ничто не подстрекало в нем желания вновь ее увидеть. Власть ее над ним кончилась совершенно.

Теперь он намеревался жениться. Он был богат и, воротясь на сушу, собирался зажить своим домом при первой же соблазнительной возможности; он осматривался вокруг, готовый влюбиться, как только позволят ясная голова и верный вкус. Он готов был отдать свое сердце любой из барышень Мазгроув, буде они сумели бы его уловить; словом, всякой встретившейся

на его пути привлекательной юной особе, исключая Энн Эллиот. Об этом исключении он умолчал, подтверждая предположения своей сестры.

– Да, Софи, твоя правда, я могу жениться очертя голову. Каждая девушка от пятнадцати и до тридцати может рассчитывать на мое предложение. Недурное личико, несколько улыбок, несколько комплиментов флоту – и я попадусь в сети. Да едва ли на большее может и рассчитывать моряк, так долго обходившийся без женского общества, которое одно человека и облагораживает.

Она поняла, что он ждет ее опровержений. Ясный гордый взор его выражал счастливую уверенность в том, что он достаточно облагоустроен; и уж, верно, не без мысли об Энн Эллиот со всею серьезностью описал он далее женщину, с которой хотел бы соединить судьбу. «Тонкий ум вместе с нежною душою», – так он начал и кончил свое описание.

– Вот какая нужна мне женщина, – сказал он. – Разумеется, я соглашусь несколько сбавить требования, но лишь чуть-чуть, не более. Если я глупец, то, видно, глупцом и останусь, ибо я куда чаще большинства мужчин раздумывал об этом предмете.

Глава VIII

С той поры капитан Уэнтуорт и Энн Эллиот вращались в одном кругу. Скоро случилось им вместе обедать у Мазгроуов, ибо здоровье мальчика не давало более тетушке предлога для отсутствия; и это положило начало долгой череде обедов и встреч.

Теперь проверялось, может ли возродиться прежнее; оба не могли не вспомнить былого; к нему то и дело обращались; он не мог не поминать год помолвки, пускаясь в свои рассказы и описания; следуя своей моряцкой судьбе и повинясь душевной потребности, несколько раз в течение первого же вечера назвал он шестой год: «Это было в шестом году, это случилось еще до того, как я ушел в море в шестом году». И хотя голос его не дрогнул и хотя у нее не было решительно никакой причины полагать, будто при этих словах он пронзил ее взглядом, Энн, зная его и его сердце, тотчас поняла, что его, как ее самое, посетили воспоминания. Ему в голову, бесспорно, пришли те же мысли, что и ей, не причинив, разумеется, той же боли.

Меж собой они не разговаривали, сообщаясь не более, чем требовала простая учтивость. Прежде столь дорогие друг другу! И теперь друг для друга никто! А ведь было же время, когда из наполнявших теперь залу в Апперкроссе гостей им двоим труднее всех было бы друг с другом наговориться. Исключая, быть может, адмирала и миссис Крофт, совершенно счастливых и дружных (другого такого исключения Энн не допускала и среди женатых пар), не было здесь двух сердец столь же открытых, вкусов столь же общих, чувств столь же согласных и столь же ненаглядных двух лиц. И вот они чужие; нет, хуже еще, чем чужие, ибо им сойтись не суждено. Это отчуждение навеки.

Когда он говорил, она узнавала прежний голос, угадывала прежнюю душу. Собравшиеся были в совершенном неведении касательно флота; рассказ капитана поминутно прерывали вопросами, особенно барышни Мазгроув, не сводя с него глаз, то и дело спрашивали о жизни на борту, и что там едят, и как спят, и тому подобное; и, если они изумлялись, узнавая, как удобно и разумно все там устроено, он отвечал им ласковой усмешкой, напоминавшей Энн о временах ее собственного неведения, когда ее обвиняли в том, что она полагает, будто моряк на судне принужден обходиться без еды, без повара, который бы ее стряпал, без слуг, которые бы ее подавали, и даже без ножа и вилки.

Она слушала и предавалась размышлениям, которые перебил громкий шепот не сдержавшей нежных сетований миссис Мазгроув:

– Ах, мисс Энн, если б небесам угодно было пощадить моего бедного сына, он бы теперь решительно переменялся!

Энн сдерживала улыбку, терпеливо выслушивала миссис Мазгроув, продолжавшую изливать свое сердце, и таким образом потеряла нить общей беседы.

Когда же ей удалось наконец вновь направить свое внимание на то, что несколько более ее занимало, мисс Мазгроув уже явилась в гостиную с «Флотскими ведомостями» (в Апперкроссе вдруг оказались «Флотские ведомости») и углубилась в них, выражая намерение разыскать те суда, какими командовал капитан Уэнтуорт.

– Первое ваше судно, помнится, «Змей»; что ж, поищем «Змея».

– Вы его тут не отыщете. Он вконец износился и списан. Я последний им командовал. Он уж тогда никуда не годился. Считалось, однако, что он еще год-другой может походить в ближних водах, вот нас с ним и послали в Вест-Индию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.